

Вячеслав Евдокимов



Детство
милое

Вячеслав Евдокимов

Детство милое

«Издательские решения»

Евдокимов В.

Детство милое / В. Евдокимов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909489-6

Третья книга автора «Детство милое...» в основном повествует о детском периоде всех членов одной семьи, первого вхождения детей в жизнь и окружающий мир, о всевозможных поступках, приключениях и казусах становления характеров. Возможен интерес и детям, и взрослым, может быть, они и сами вспомнят о своём таком периоде жизни. Представлен также ряд стихотворений.

ISBN 978-5-44-909489-6

© Евдокимов В.
© Издательские решения

Содержание

Детство милое...	7
Второе моё рождение	8
Один через горы...	10
В селе приволжском	12
Хитрые уловки	14
Лихой наездник!	18
Мы – в копнах!	21
Злобные собаки!	23
«Вот наточу нож!..»	24
Зайчонок!	25
Воровство гороха	27
Ширну–нырну!	29
На одной ноге – к радуге!	31
«Городки»	33
Игра в «чижика»	36
«Сама, баба, лопай!»	38
Красавица–птица!	40
Шершни!	42
Эх, прокачусь!	46
Легкомыслие	49
Караул, цыгане!	54
Опять велосипед!	57
Спор на рубль	61
Самолёт!	63
По тонкому льду...	67
Лизнул железку я зимою...	73
Ледянка!	75
«Караул! Волк!»	76
«Хнычки»	81
Весна идёт!	84
За вербой!	90
Обливание водою!	92
«Красная горка»	95
Грозная птица!	99
Прыжки через костры!	102
Свадьба!	108
Колядованье!	111
«У дороги Чибис...»	117
Игра в «Козлика»	118
Ура! Салют!	120
В новую школу!	121
Укус овчарки...	125
«Дрындулеты»	130
Прыжок с крыши	131
Авоська... соли	137
Пираты!	139

Лето!	141
«Расшибалка»	143
Игра в «Ножички»	145
Краса-фантики!	147
На звезде МГУ!	149
Купание в Москве-реке...	151
Наглая ворона	159
В Раменки!	162
«Трумэн»	163
Дивная девочка...	167
Ложная хитрость	169
Конец ознакомительного фрагмента.	172

Детство милое

Вячеслав Евдокимов

Семье моей посвящается
В. Евдокимов

© Вячеслав Евдокимов, 2018

ISBN 978-5-4490-9489-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Детство милое...

В конце пути его начало
Нам вспоминается немало,
Ведь сил, надежды и задора
Ещё громаднейше, без спора.

Легко идти, мол, цель – подмога.
Не взвесишь трудности все строго,
Они не видятся заране.
Энтузиазма возгоранье

Ласкает душу, бодрость дарит,
Идти стремление – в ударе,
Всё лёгким кажется, цветущим.
Шагать желание – всё пуще!

Всё в детстве чудится легко нам.
К нему идите вновь с поклоном
За жизни миг наш лучезарный,
Своей энергией ударный,

Всегда к всему везде – на старте!
Миг жизни той весь в благодати
На всём приятном и готовом.
Восславим детство добрым словом!

Приходит срок, и уж не деться,
Не вспомнить время чтобы детства,
Его невинные проказы.
О том и будут ниже сказы.

Родился за год до войны я
В стране, шаги чьи вдаль лихие,
В одной республике союзной,
Памир высок стоит где, грузный,

Зовут который «Крышей мира» —
Авторитет таков Памира.

Второе моё рождение

Но вдруг родился я повторно,
На радость всей родне, бесспорно...
В семье был братик в три годочка,
Годкам он этим был росточка,

Помощник, знать, коль братик старший.
Коль мамы, папы нет, папашей
Он становился надо мною.
И маме вот одной порою —

А папа был всё на работе —
Да по хозяйской всё заботе
Вдруг отлучиться надо срочно.
Даёт наказ старшому: точно

Исполни всё, коль я заплачу,
И не являй себя в том клячу,
А к люльке быстро подходи ты,
Качай её, пой не сердито,

Льни лишь с улыбкою к браточку,
И даст отбой он голосочку.
А мамы нет — я это вижу...
Да как свой крик всю напыжу!

«Ну что кричишь? Будь крик неладен...» —
И в рот мне всыпал... виноградин,
Что перекрыли напрочь горло...
Дышать нельзя... Под лоб подпёрло

Вон от удушья глазёнки...
А брата радостный и звонкий
Звенел восторг, как колокольчик:
«Ну вот и стих твой вмиг роточек!».

И он бы стих с того навеки...
Да есть вот чувство в человеке,
Что навевает вдруг тревогу...
И мама с этого к порогу

И прибежала, чуя это!
И, точно, жизнь сынка задета...
Очищен рот весьма торопко,
Из горла вынута вон пробка,

И жадно стал дышать я, часто!..
И смерть попятилась, клыкаста...
Заботой братика так мило
Была довольна бы могила...

Да жаль, болезнь его скосила,
В мир неживой вон взяв немило...
Один остался я ребёнок
Среди забот всех и пелёнок.

А тут война... Фашистов орды...
За честь страны, за сласть Свободы
На фронт ушёл и папа милый,
Чтоб биться насмерть с чёрной силой.

В бою же грозном в Подмосковье
Пал, пропитав землю кровью...
Одни остались мы уж с мамой
С душевной вечно тяжкой раной...

...Чтоб жизнь здесь начали колхозы,
Покинул волжские морозы,
На помощь братьям прибыл юга,
И встретил юг его, как друга:

Хотел и здесь народ-трудяга
Иметь желанные все блага!

Один через горы...

Война идёт. Расту и я же...
И вот ума моя поклажа
Идти за мамой приказала,
Ушла, ни много и не мало,

В райцентр как, а то чрез горы.
Быстрее к ней! Легки все сборы,
Ведь был находчивый я мальчик:
В одной руке китайский мячик —

Он – прыг да прыг! – всё на резинке...
Крыла же бабочки–картинки
Всё машут, едя на колёсах...
Игрушка то, чья ручка – посох

В другой руке моей везущей...
Ну путешественник я сущий!
И в горы так вступил упрямо —
Идти дорогой вдаль и прямо...

Иду–спешу к тебе я, мама!
А тьма в горах высоких храма
В момент скрывает дня просторы,
Теряют вмиг свой облик горы,
И мрак вокруг властвует кипуче,
И нет дороги, скрыты кручи...
Шакалы стали в плаче детском...
Глаза сверкают хищным блеском!

И жил бы я? Да пограничный
Наряд объезд свершал обычный,
Уткнул в меня свет фар машины...
Он не видал такой картины,

Чтоб мальчик брёл один средь ночи
В горах, не плача с всей–то мочи...
«Почто один? И чей, куда ты?».
В машину взяли – прочь дебаты! —

В детсад с утра и передали.
А мама близи все и дали,
Домой вернувшись, обыскала,
Убившись горяшком немало,

Ища пропавшего сыночка...

И побелела только ночка,
Звонок в село вдруг телефонный,
Ребёнок что пропавший оный

В детсаде там–то, невредимый,
И хочет к мамочке родимой!
И прибыла она с подводой,
Вконец измаяна невзгодой,

И привезла домой обратно.
Ах, как же было нам приятно!
Но вдруг письмо пришло с Поволжья,
Мала что помощь, даже Божья,

Твоей мы ждём, езжай к нам, дочка!
Не одного взяла сыночка
Война проклятая... Стары мы.
А потому в хозяйстве срывы,

Иссякли силы уж с годами...
К отцу езжай, к родимой маме!
И паровоз нас вёз в теплушке
От гор подальше, чьи макушки

Проткнули небо над собою...
И было грустно нам порою...
Но всё же прибыли в село мы,
Где маме все и вся знакомы.

И были долгие объятья,
Врагу сквозь слёзы всё проклятья...
Жизнь продолжалась, всё мне ново,
И уж не надо мне иного.

В селе приволжском

И вот село, где мать ребёнком
Жила во времени далёком,
Толпилось что вдоль малой речки
И меж холмов. Дымили печки,

Дрова сжигая, лесом данных,
Стоял что вокруг, не в далях дальних;
Ручьи журчали по оврагам,
Делясь в жару желанным благом,

По склонам их – обилье ягод,
За сбора час – запас аж на год!
В лесу нашествие грибочков
Всё на земле, поверх пенёчков

Да на стволах, на буреломе,
И все желанны в каждом доме.
Полей был дар всегда богатый,
Его встречали с песней хаты,

В садах стояли что плодистых
Под пенью птичек голосистых,
А огородные щедроты —
От постоянной всё заботы;

Домашней птицы вид, скотины —
То жизни милой всё картины,
Несла себе благ что колхоза
Труда возвышенная проза,

Когда вставала до рассвета,
Утихомирясь ночью где-то...
И всё несла то женщин сила.
А мужиков война скосила...

И всё легло на вдовьи плечи,
И было им всегда не легче,
Вон разрываясь на два фронта...
А как всем радости охота!

Лишь были детки им отрада —
Сиротки. Сбор труда – награда,
За престарелыми забота...
В мороз и зной до уймы пота.

А малышня вся в играх вечно,
Жила раздольно и беспечно,
Свой кругозор, умы коротки...
«Пусть поиграют, ведь сиротки...» —

Смахнут, сказав, украдкой слёзы,
А боль в душе острее занозы...
На всякий случай, до рассвета,
В поля идя, накажут это,

Мол, сделай в доме, после то—то...
А малышне ведь спать охота,
Поддакнут с сна, забудут мигом
Наказы все, под сна вновь игом...

Не вспомнят, днём коль уж проснутся,
Зато все в играх вновь не куце!..
Дела и смотрят сиротливо...
Азарт лишь игр кипит бурливо!

Хитрые уловки

И я был в том не исключенье.
«С тобой, сыночек, нет мученья.
Ты сохранил всех кур, цыпляток,
А то вон коршун у ребяток

Вчера унёс аж сразу пару,
Лишь пух разнёсся по гектару...
Ну как тобой мне не гордиться,
Цела вся вверенная птица!» —

И гладит, гладит по головке...
А были в том мои уловки:
Как только мамка шаг свой в поле,
Я, отоспавшись сладко вволю,

Её не внемнил уж наказам,
А забывал их вон все разом,
Бежал на улицу к ребятам
И там в азарте сверхбогатом

Уж предавался играм милым
И был активным в них, не хилым!
А кур всех в хлеве – на щеколду,
И нет на волю им уж ходу.

А коз, а было их четыре,
Чтоб не бродить им вольно в мире,
Сажал на привязь к кольям, вбитым,
Мол, тут и быть вам, козы, сытым...

А сам, забыв поесть, – к ребятам,
Ах, и на выдумку богатым!
Но, в основном, в «войну» играли!
И были «наши» в ней не крали,

А побеждали «немцев» вечно,
Тому и радуясь сердечно!..
Потом менялись ролями,
И уж «убиты» были сами...

Но почему–то роли «наших»
Всё были больше лишь у старших,
Что побеждали младших грозно,
И те с того ревели слёзно...

Вот так война определила
Состав нам игр, всучив немило,
Похоронив отцов навеки,
Чем слёз семей проливши реки...

Вот так росли мы, сиротинки,
Все дни справляючи поминки
По тем, кто стал ввек в «похоронке»,
От счастья нас швырнув в сторонки...

Но не наказывалась шалость,
Ведь безотцовщина мы, жалость
К нам снисходительно корпела:
Вот подрастут, с умом за дело,

Нам помогать, уже возьмутся,
И всё хозяйство уж не куце
Да будет выглядеть тогда-то,
И заживёт богато хата...

Вот эту чувствуя поблажку,
Мы и игривую ватажку
Все дни собою и являли,
И счастье было не в вуали,

А лучезарным, солнцеликим
И преогромнейше великим!
А я, коль день уж шёл к закату,
Влетал от игр быстрее в хату,

И курам нёс в хлев пропитанье,
У них чтоб не было роптанья,
Что день сидели на диете,
Да в темноте, а не при свете.

«Да мне *спасибо* все скажите,
Что каждый есть вы долгожитель,
Ведь спас от коршуна презлого,
И завтра сделаю то снова,

Ведь вам погибнуть не охота?
Ах, прелюбезная забота
Моя спасает ваши души».
И эта мысль ласкала уши...

Потом бежал я к козам ходко!
А там уж каждая их глотка
Была запутана верёвкой
И ноги все, что и с сноровкой,

Нет, не распутать и вовеки!
Всех глаз зрачки ушли под веки,
Лежали кверху все ногами,
Не пряли даже и ушами,

И с губ свисала их степенно
От жажды, крика бело пена...
А мать вот-вот придёт с полей-то...
И этой мыслью подогрета,

Вон убыстрялася активность,
Спасти рогатую чтоб живность!
И было в том вознагражденье —
От пут всех коз освобожденье.

Домой тяну их за верёвки...
Они же с козьей всей сноровки,
Да не обычными шажками,
А вдруг огромными прыжками

Помчались радостно вон к речке,
Чтоб охладить в воде сердечки
И уж напиться до отвала!
А пара рук моих держала,

К рогам привязанным, верёвки,
А отпустить их нет сноровки.
А потому меня по кочкам
И за собою, как мешочком,

И понесли со страстным криком!
И было мне то тяжким игом,
Сбивались в кровь нос и коленки,
Езды ушибы, а не пенки,

Непроизвольные вслух вскрики,
Впивались сучья коль, как пики,
Иль в камень врезывался тяжело...
Водой насытившись, ватажка

В меня вдруг вперивала взоры,
И на расправу очень скоры,
Ко мне жестоко подступали
И вон рогами гнали в дали...

Но я бежал стремглав к дому,
Где безопасности истому
Желал найти уж за дверями,

О чём ни слова, знамо, маме.

Всё это видел мой деданька,
И он бабаньке: «Ты, мать, глянь–ка,
Ах, как же мучает внучонка
То бесье племя, в крик мальчонка...

Ох, удирает с всех он ножек!
А наточу я остро ножик
И порешу то бесье племя,
И будет внучку чудо–время».

«Ты что, – вступала тут бабаня, —
Освободи их от закланья!
Семьи богатство, молоко же
Они ведь, резать их негоже...».

На что деданьки вновь ворчанье...
И всё же сделать – обещанье.
А я, чтоб бойни снизить риски,
Пред стадом ставил вмиг очистки,

И наступало примиренье,
Вновь дружбы нашей загляденье...
А заодно не стали хмуры
Вдруг от еды цыплятки, куры.

«Быстрее склюйте всю еду–то,
Сейчас маманька будет тут!».
И их подбадривал: «Цып! Цыпа!»
Хоть содрогался чуть от всхлипа...

«Ах ты, заботничек мой милый!
Вид всей скотинушки не хилый,
И куры целы, и цыплятки,
Их не унёс вон коршун гадкий;

Твои усилия все ловки» —
И гладит, гладит по головке...
Что я поверил в это тоже,
Настороже чуть бывши всё же...

А вот на завтрашний денёчек
Что вдруг придумал мой умочек?

Лихой наездник!

Вот, раз коза такая цаца,
Нельзя ль на ней мне покататься?
Залезу на спину, ногами
И погоню, руля рогами,

Спина ведь мягкая, из меха.
Вот будет дивная потеха!
И мамка как ушла лишь в поле,
Я, не откладывая боле,

К козе подкрался вмиг украдкой,
Её считая уж лошадкой;
Козы же было имя Роска,
Степенный вид, смотрелась броско:

Ходила в шубе пребогатой,
С огромным выменем, рогатой,
Почти в дугу, кривые ноги,
Гляделась грозно: все с дороги!

Нам молока хватало с мамой.
Вот на козе, на этой самой,
Решил селом всем и промчаться,
Всех удививши домочадцев!

Взлетел я на спину поспешно!
Рога схватил, как руль, конечно,
И завопил: «Вперёд, родная!».
Но головою та мотая,

Пыталась сбросить седока–то...
Была умом она богата,
В прыжки пустилася на месте,
Потом со мной помчалась вместе
К стене домово́й и прижала
Меня к ней больно, чем немало
Мне боли сразу подарила,
Душе что было, ох, не мило...

И вдаль промчалась, обдирая
О стену ноги мне, и рая
Езды не чувствовал в душе я,
Болели ноги, ныла шея,

И вот, не вытерпев мучений,

Свалился я, наездник–гений...
Вот тут–то Роска подступила,
Рогами – толк! – меня немило

И, будто мячик, покатила...
Какая ж в ней сокрыта сила!
Рога работали не вяло,
И вон меня всего помяла...

И был бы, видимо, я в коме,
Коль не исчез бы разом в доме!
Так и закончилась поездка,
Урок мне впрок втемяшив веско.

Да, оказалось, ненадолго.
Прошло лишь времени немного,
И мне представился вдруг случай,
Как показалось, самый лучший,

Чтоб покататься... на овечках.
Ах, как взыграло вдруг сердечко!
А жил в соседнем доме мальчик,
Взрослей меня, пред ним я – пальчик.

Он был подпаском всяко лето
И пас овец в раздолье где–то...
Кнут на плече носил огромный,
И был вдруг в стаде кто нескромный,

И шёл, не все как, вон в сторонку,
Хлестал того кнутом презвонко,
Чем наводил всегда порядок,
И стада вид был сыт и гладок.

И мне хлестнуть кнутом охота!
Не получалось вот чего–то,
Не извлекались звонко звуки,
Не так росли мои, знать, руки...

А он ко мне милее братца:
«А не желаешь покататься
На овцах, целое ведь стадо?».
«Конечно! – вспыхнул я, – ой, надо!».

Не совладал коль я кнутищем,
Так развлечения поищем!
И выбрав жирного барана,
Я на него запрыгнул рьяно,

Вцепясь в руно его густое.
Друг – на другого, и уж двое
Мы на баранах восседали,
Желая мчаться быстро в дали!

Умом те были не бараны,
Нас не помчали в чудо–страны,
А занесли вдруг в гущу стада,
И в том была нам не отрада,

Ведь поприжали туго ноги,
И мы слетели... Вот и строгий
Урок нам был – ушат холодный,
Чтоб ум унять наш сумасбродный...

Но мы в затеях не сдавались,
Вдруг вновь идеи вспухла завязь!

Мы – в копнах!

Вновь ум в застое был не долог:
Поймать решили перепёлок,
Их многовато было в поле.
Поймать! – была обоих воля.

Комбайн клал на поле всё копны...
И шанс поймать нам был удобный,
Под них скрывались перепёлки,
И к ним несли нас дружно ноги,

Мол, на копну коль навалиться,
В руках окажется вмиг птица!
И не толкли мы в ступе воду,
А на копну бросались сходу

И ожидали предвкушенье,
Что лова будет вмиг свершенье!
Но из–под ног и из–под носа
Улов вон в небо пулей нёсся,

А мы с руками лишь пустыми,
Вдогон с словами не простыми!..
Вот так, впустую, вся работа...
Но тут вмиг новая забота:

Залезть комбайну бы в копнитель,
Соломы где пустой обитель!
Солома скроет вмиг с головкой,
И на стерню мы с нею ловко

Потом повывалимся дружно...
Вот это всласть обоим нужно!
Потом, как будто из сугроба,
Мы из копны вылазим оба,
В копнитель лезем дружно снова,
И вновь нам радости обнова!
Но вдруг, забивши шум комбайна,
И выражаясь чрезвычайно,

Летит в нас голос комбайнёра,
И мы несёмся прочь уж скоро
И в гуще прячемся вон стада...
Вдогон же мчится слов тирада!..

И друг мой в роли вновь подпаска,

А я, бочком–бочком, с опаской,
Да до села стопы направил,
Ведь нарушитель был я правил,

Спешил я прочь домой в тревоге
По пыльной с сухости дороге
Да чрез деревню по соседству,
И что удрал, то любо детству...

Злобные собаки!

Иду, машу себе руками...
Как вдруг с большущими клыками
Из подворотни – скок! – собака,
И лаять стала, забияка!

Из всех дворов стал лай ответно
Со злобой, очень неприветно,
Порвать желают мне штанишки,
Куснуть и ноги вон парнишке!

Вкруг стая злобно обступила,
Клыки нацеливши немило...
Стал им грозить я кулаками,
Они же злобными зверьками

Понаседали гуще, гуще...
Ну всё, прощай, отрады кущи,
Шаги мои уж, как улитки...
Как вдруг выходит из калитки

С ружьём в руках огромный дядя
И на меня совсем не глядя,
Пальнёт как в воздух! Мигом стая,
Сама себя же обгоняя,

Поразбежалася по хатам
В скулёже, визге пребогатом!
Так и пришло ко мне спасенье.
И к дому было вновь стремленье...

Придя, я в хлев подсыпал проса,
Чтоб не смотрели куры косо
И не сказали мамке хором,
Что всё держу их под запором,

Не открывая на день дверь я.
«Глупышки! Вмиг оциплет перья
Вам клювом быстро и когтями
Проныра–коршун, что и сами

Уж не пойдёте на свободу», —
Сказал им так и к козам ходу
С ведёрком дал, испить водицы
Чтоб им, как дал домашней птице.

«Вот наточу нож!..»

А те, увидевши с ведёрком
Меня вдруг, в рвении высоком,
Повырывали мигом колья
И, враз почувствовав раздолье,

Рванулись с бляньем к водиче,
Чтоб жадно ею насладиться!
Летели быстро, будто пули!
Меня и с ног вон постолкнули...

И то увидел вновь деданька.
«Эй, мать! – бабуле он, – ты глянь–ка,
Вон внучка вновь столкнули черти!
Я прекращу издёвки эти...

Нож наточу вот оселочком,
Не дам глумиться над внучочком!».
Бабанька снова в уговоры,
Хоть были все они не скоры...

Я ж, коз прибив на новом месте,
Травы где было больше, к чести,
Корзинку взял, топорик в руки,
Да не с веселья или скуки,

Пошёл в лесок сшибать пенёчки,
Сбирать в нём веточки, сучочки,
Мол, запыляет жарко печка!
Стук! Стук! – топориком. Сердечко

Да вдруг как ёкнет изумлённо!
Вмиг в голове аж мыслей тонна:

Зайчонок!

Сидит тихонечко комочком
Зайчонок—детка под кусточком...
Я поражён такой картиной.
И остороженько корзиной
Да и накрыл его моментом,
Ах, испытав восторг при этом!
Забыв корзину и топорик,
Принёс зайчонка в свой я дворик,

Душе дав радости, сердечку,
И поместил его под печку,
Загородивши вход дровами.
Вот будет радость мне и маме!

Оно бы долго так и было,
Ведь я ходил за ним премило,
Давал я веточки с осинки,
Носил и сочные травинки,

И молочка давал всё в миске,
И он, отбросив напрочь риски,
Ходил по дому уж свободно,
И было чудом это, модно,

Ведь заяц жил в дому, но дикий!
И был в ребятах гвалт великий
И зависть, тоже чтоб иметь бы
Такое, хоть бы с действием ведьмы!

Но вот однажды – неудача! —
Оставил дверь открытой... Плача,
Я не нашёл зайчонка в доме
И был от этого, как в коме:

Зайчонок выскочил, дал дёру...
Хоть зареви коровой, впору!
«Ну, успокойся, мил—сыночек,
Примчал зайчишка под кусточек,

Сидит под ним спокойно, тихо
И ждёт, мамаша что, зайчиха,
Вдруг отведёт под сень приюта,
Где много ласки и уюта...

И будут с мамою все детки

Питаться травкою, грызть ветки...».
Я потужил, конечно, с горя,
Но ведь свободному и воля!

Жалел потерю, ясно, друга,
И было в том, конечно, туго.
Потом уж зажил я обычно,
Во всё суя свой нос привычно...

Коль далеко ещё до школы,
Все посетить леса и доли,
Ручьи, поля, холмы, овраги,
Сады, набравшись отваги,

Бахчи, где дыни и арбузы,
От них ведь нету ртамы обузы.
А попадёшь за парту школы,
Как козы, сядешь на приколы,

Тогда учёба всё, уроки...
Прощай, овраги все глубоки,
Бахчи, сады... Ну а пока же
Свою энергию покажем!

Воровство гороха

Сосед деданьки – то неплохо! —
В саду имел посев гороха,
Со мною внука–одногодка,
Гляделся тихо что и кротко,

Как все, по улице не бегал
И был на вид одна лишь нега...
Вот раз чрез дырочку забора
Завёл с ним сладость разговора

О том, горох–де, видно, вкусный,
Не то, что лист жевать капустный,...
Он тут же с этим согласился
И замурлыкал, будто киса...

«А у деданьки нет гороха...» —
Сказал ему, не скрывши вздоха,
Хотя и видел где–то, вроде,
И рос тот вширь на огороде...

А мальчик добрый был, не скряга,
Вмиг в нём явилась отвага,
Он предложил: «Как ночка сажу
Поразбросает, сделать... кражу!

Ведь ночь для кражи – чудо–время!
Мы понадёргаем беремья,
Перетаскаем в сад к вам дружно». —
Я согласился, раз так нужно.

Как день накрылся темнотою,
Горох таскали мы гурьбою,
Ведь так желал мой мил–дружочек;
Гороха вырос, аж стожочек!

«Вот, ешь теперь за обе щёки!».
Мой был ответ души глубокий,
И я его привлёк в объятья:
«Теперь с тобою мы, как братья!».

Раз дело сделано, в постели
Мы тайно тихо улетели...
«Смотри, сосед, какое чудо,
Не обошлось здесь без блуда,

Горох, вишь, вытоптал, аж тропку,
Сам уложился в грудку–стопку,
А почему – вот нам задача...».
Для нас же в том была удача,

Что «сам» горох переместился,
И каждый с дедом был, как киса...
«Давайте, милые внучатки,
Его и ешьте без оглядки,

Пусть будет сладким он вам блюдом,
Раз сквозь забор прошёл он чудом...».
А у самих, у глаз, смешинки...
У нас же вздрагивали спинки

От смеха тайного, шпионски,
Что наказанья нету розги,
И смех на привязи держали...
А деды уж об урожае,

Уйдя от нас, затолковали...
Мы ж восседали, будто крали!
Потом, набив горохом брюхо,
К малинке каждый, будто муха,

Примчал, возрадуясь отрадно,
И вид смотрелся наш парадно!
Здесь было нам совсем не грустно,
Малинка ведь – отрада, вкусно!

Ширну–нырну!

А солнце коль поддало жару,
К ручью примчались мы на пару,
И прыгнул каждый, как солдатик!
Ручей в жару был, как канатик,

Что привязал к себе нас туго,
И мы за то любили друга.
Он в зной мельчал, струился еле,
Вот потому мы и смелели

В нём полоскаться, как в корыте,
И было много детской прыти!
По дну ходили мы пешочком...
По берегам, сидя рядочком,

Сидели смиреннько лягушки,
Как на заваленках старушки,
И лупоглазили наивно...
В ручье ведь тоже им всем дивно,

Вот ждали очереди тихо,
Чтоб сигануть в ручей прелихо!
Они купаться любят тоже,
Ведь им ручей отрады ложе.

А мы, зажав ладонью носик,
Друг к другу мчим уже вопросик:
«Шырну–нырну, где окажуся?» —
И кувырком–нырком, как гуся,

На дно ручья уже стремимся...
Потом выныривает лисья,
Не угадал другой что места, —
Ах, он пройдоха, ах, он бес–то! —

Физиономия премило...
И вновь загадок уйма пыла!
И так по очереди каждый,
Чтоб обмануть другого с жаждой.

А надоест, ужей поймаем,
Они ручей не минут краем,
На шее их сомкнём, как бусы,
Ведь не страшны ужей укусы,

Форсим, как будто мы девчонки.
Смех над ручьём несётся звонкий!
Накрутим их и на запястья,
И вновь мальчишеское счастье!

Вот, мол, какие мы особы,
И по макушки рады оба!
Летят воды друг в друга брызги,
И оттого сильнее визги,

Весь взбаламутили ручей–то...
Ах, чудо милое ты, лето!
Ты радость душ, блаженство тела,
Тебе себя вручаем смело,

Отрада милая ты наша
И сверхнежнейшая мамаша...
Когда сорвём азарта завязь,
Бредём домой, устав, качаясь...

И с нами вместе – разговоры,
Они толкают на повторы
Купанья завтра, постоянно,
И в том себе клянёмся рьяно!

На одной ноге – к радуге!

Но завтра, к горю, незадача:
Дождь целый день... Мы, чуть не плача,
Уныло смотрим всё в окошки...
Ах, как скакать желают ножки!

Дождю лишь взрослые все рады,
Как будто в нём им сладость награды,
Об урожае пышут речи...
Но нам с того, отнюдь, не легче...

И лишь тогда, ушли коль тучи,
Нам веселее стало, лучше!
Вмиг босиком из дома пробкой!
И мчим по лужам с визгом тропкой...

И по центральной мчат дороге
Истосковавшиеся ноги,
Лишь брызги в стороны фонтаном!
А тучи вдаль шли с громом рьяным...

И солнце вспыхнуло им в спину,
И мы увидели картину,
Что пыл игривости смирила:
На небе радуга! Как мило!

Была ярка, всю цветаста...
И мы решили: ждать вон баста!
Коль на одной скакать ноге–то
К ней, дар найдём мы дивный где–то,

К земле где только прикоснётся,
Лишь не погасло б в небе солнце,
И там серебряное блюдце
Да с ложкой выглядят не куце,

Сияют радужным же светом,
Не меньше, солнце будто летом!
И мы скакали к ней серьёзно:
А ну прискачем, будет поздно,

Там блюдце с ложкою мальчишка
Да перехватит? Это слишком!
И темп скаканья убыстряли.
А впереди такие дали...

На нас все смотрят из окошек,
Как скачем мимо, как горошек...
Что нам до них? У нас ведь дело!
А, глядь, уж радуга бледнела...

И вот те раз, скажи, на милость,
Под фон вдруг неба превратилась...
Куда скакать, её коль нету?
И нет в глазах задора света,

Бредём по лужам мы обратно...
Ах, как, судьба, ты всё ж превратна!
И вновь видны в окошках лица,
Душа над нами их глумится...

Но мы же твёрдо порешили:
Скачки бы надо делать шире,
Тогда б законно уж успели
И молодцами стали в деле.

Деданьки дома поддержали:
Ещё поскачете, мол, в дали,
Таких, мол, радуг будет много,
Смотрели мило и не строго...

«Городки»

Но было царство в небе солнца,
Вкруг щедрость на землю всё льётся...
И мы про клад тот забывали,
И мысль о нём была в опале.

А коль на улице всё сухо,
Мы наостряли тут же ухо
На городки, игру-забаву,
Ей увлекались уж на славу.

В неё играли дети старше,
И к ней рвались души наши,
Хотели выбить все фигуры —
Что разводить нам шуры-муры! —

Пусть зависть скрючит все их лица,
А нам собою лишь гордиться!
И были оба мы, как в мыле,
Пока ребят не полонили —

Дать для игры нам биту тоже,
Чтоб доказать, играть что можем!
Была той тяжесть неподъёмна,
А наши силы смотрят скромно...

Поднять её была попытка
Рукой, но никла сразу прытко,
А если даже поднимали,
До городков такие дали,

Не долетала что уж бита,
И наша честь была убита...
Мы вновь пытались настырно,
А вокруг смеялись подковырно!..

Была дубовая та палка,
И стало всем нас очень жалко,
И биту взяли из ручишек
Под смех девчонок и мальчишек!..

И прочь пошли, скорбя, мы тихо:
Насмешка гадкое ведь лихо...
Но неудаче я не сдался,
А с бесшабашным видом аса

Украдкой взял из кухни скалку,
Чтоб превратить вдруг в битую-палку,
Придать другое назначенье,
И вот начать бы уж ученье,

Да чурок не было. У речки
Росли на грядке огуречки,
На городки они похожи.
«Ну что ж, использую их тоже.

А ну, зелёные тотошки,
Вмиг станьте *бабкою в окошке...*».
И навалил их горкой-кучкой.
За скалку-биту взялся ручкой,

Швырнул её скоропалимо,
Успеху радуясь! Но мимо...
Взял в руки скалку снова скоро,
Два совершил подряд повтора,

Но развалил лишь горку только,
С того в душе, ой, стало горько...
И подошёл тогда поближе:
«Ну, *бабка* вредная, смотри же!».

Но скалка «бабку» не задела.
Перелетела. То не дело!
Знать, «бабке» надо наказание.
Вмиг применил своё старанье:

Дубасить скалкой стал «старушку»,
Придумав новую игрушку!
От огурцов кусочки-части
Остались лишь. А курам счастье,

Вмиг всё склевали подчистую,
Теперь, мол, «бабку» дай другую!
И ждут. Я снова мчал на грядку,
Опять за пазуху порядком

Понабивались «городочки».
А ну, смотрите, куры-квочки,
Вы на мои опять успехи,
И вновь игры идут потехи!

От скалки нет рукам занозы.
Всё повторялось. Оптом козы
Уж прибегали после кона
И «городки» все съев законно,

Вокруг стояли, сладко бляя,
Со мной что дружба – всех милее!
Я напоследок был на грядке,
Но там остались лишь «пуплятки»...

Пришлось игру закончить в горе
И перейти к другой уж вскоре.

Игра в «чижика»

Была она уму понятной,
Не тяжела, весьма приятной.
Я не читал ещё и книжек,
Зато влюбил в себя вдруг «чижик».

Была в ней бита не тяжёлой,
Сама игра до слёз весёлой,
Двумя руками били битой,
И в «городки» игра забытой

Мной оказалась на время,
В «чиже» азарта было семя!
Сам с двух сторон имел он носик,
Куда умчит, – всегда вопросик,

Отлично, коль летит он в дали.
И в них «чижа» не раз долбали!
То делал ловко «подающий»,
Бил далеко – азарта пуще,

Его поймать ведь должен «ловчий»,
Умел то, быстр кто, глазом зорче,
Очки себе вмиг набирая,
И роль его была иная,

Теперь в кону он сам уж «бьющий»,
А бивший «ловчим» стал, «бегущий»,
Очки терял, при этом, разом
Вон, не успев моргнуть и глазом.

А если «ловчим» «чиж» не пойман,
Азарт вмиг пуще, звонче гомон:
Попасть им в кон тогда он должен,
Успех того, кто ловче сложен

И обладает глазомером,
Кто попадал, – для всех примером
Бывал для зависти, восторга,
К тем уваженья сразу много.

А то и так не раз бывало,
Ловил что «ловчий» очень вяло,
И вот за эту–то оплошность —
И здесь строга была дотошность! —

Скакать он должен был до кона
Лишь на одной ноге. Законно!
Зато, чтоб был потом ловучим
И не тюнтьфом, а везучим.

И «чиж» лететь старался дальше,
Раздуть веселье чтобы наше.
К тому же, «бьющий» был весь в рвенье,
Не допустить чтоб вдруг паденья

«Чижа» на кона поле свято,
Со всей отважностью солдата
Он отражал его наскоки
И вновь в полёт пускал далёкий!

Всё повторялось снова, снова,
И было душам то бедово!
Так понабегаешься резво,
Усталость что горой налезла

Вон на тебя, вмиг повалила
В кровать, мол, спи, дружочек, мило...
Игра и в сне опять же снится,
И «чиж» летает там, как птица,

И на одной все скачут ножке,
Как будто шустренькие блошки!
И я в игре той победитель,
Ловчайший, шустрый в ней воитель!

Назавтра мышцы все болели,
Как черепаха, плёлся еле...
Душой в игре бы вновь! Но тело
Ослон упёртым не хотело...

Воспрянул всё же постепенно
И вновь в игру вступал степенно,
И повторялось всё сначала,
Являя радости немало,

Уж перестал быть «мелюзгою».
И роль пропала вмиг изгоя,
И был в игре уже «своим» я,
Своё имея веско имя.

«Сама, баба, лопай!»

Имел я родственников много,
И к ним любя была дорога,
У них мне не было ввек грустно:
Все угощали – Ах! – так вкусно...

Вот взять, к примеру, тётю Машу,
Ну, тоже родственницу нашу.
Приду к ней. В рот мне вмиг конфетка:
Откушай сладенького, детка!

А отказаться нет силёнок,
Люблю ведь сладкое с пелёнок!
К тому ж, неопытным отказом
И огорчить вмиг можно сразу.

Вот и жевал за обе щёки,
Азарт имея в том высокий...
А к ней из города на лето,
Как сласть желанного привета,

Отрадно внученьку вручали,
Была здесь, будто на причале,
«Хвостом» ходя за бабой Машей,
Молочной же питаюсь кашей.

Я звал её любезно Ирккой.
Был рот её всегда–то с дыркой,
Она его не закрывала,
Вопросов всем вопья немало,

И тарахтела, тарахтела,
Суя свой нос в любое дело,
Была зануднейшая внучка,
Репей и клейкая липучка.

Вот на картошки раз окучку
Взяла с собою тоже внучку.
Одна шурует всё мотыгой...
Другой окучка, знамо, иго,

Вот на меже и рвёт цветочки,
Лопочет... Рот не на замочке.
А солнце пуще припекало...
Ей пить хотелось уж немало,

Репьём всё к бабе приставала,
Не понижая просьбы вала...
А той закончить надо дело,
Вот всё терпела и терпела,

Да и скажи от раздраженья:
«Замолкни, сделай одолжение.
Ступай на речку, воду лопай!»
Ну та пошла, виляя попой...

Пришла туда, а берега—то
И заросли травой богато,
И далека отсель водица,
Нельзя никак совсем напиться,

К тому ж, там плавали лягушки
И комары роились, мушки,
Жуки скакали по воде—то,
Вода вся в ряску поодета...

Нет, не встречала речка лаской...
Вот и глядела та с опаской,
Как жизнь некстати вдруг превратна!
А потому пошла обратно...

Пришла, молчит, губа отвисла,
И вся—то смотрится сверхкисло...
«Ну что, — бабуля ей с вопросом, —
Чай, ткнулась, внучка, в воду носом

И напилась, не встретив лиха?»
А та в ответ с обидой тихо:
«Ступай сама ты, баба, лопай!» —
Не быстороногой антилопой,

А вся претихою улиткой
К меже походкою не прыткой
И поползла, лила слезинки
Горюче, будто бы из кринки...

Ответ её же, слово в слово,
Мы повторяли снова, снова,
Когда душою не хотели
В каком—то быть нуднейшем деле,

Он поговоркой стал семейной
Да с интонацией елейной.

Красавица–птица!

Любил я к тёте посещения,
Особо сладость–угощенья.
А муж её был дядя Петя.
Вот как–то раз, меня он встретя,

И пригласил вдруг в сад колхозный,
Садовник был он в нём там грозный,
Стерёг плоды от расхищенья.
Уход за ним – его уменье.

Вот в том саду я чудо встретил,
Что нет прекраснее на свете.
Была красивая то птица.
Заворожён, я стал толпиться,

Не отрывая с чуда взора...
И захотелось очень скоро
Её поймать, как многим детям,
И показать бы дяде Пете.

Дупло на яблоне заметил,
И лик мгновенно стал мой светел:
А притаюсь с его я края,
От нетерпения сгорая,

Как залетит, дупло закрою,
Взметнётся радость вмиг горою,
В руках окажется отрада!
Ну надо, значит, так и надо!

Дупла заткнул я было дуло,
Но птица – фырк! – и упорхнула...
Какая горечь и досада!..
Но заглянуть в дупло бы надо,

Вдруг там сидят её птенчата?
И вот рукою скоровато,
Вмиг и залез! Но что такое?
Я влип во что–то там густое...

И ощутив испуга муку,
Отдёрнул вмиг, аж вздрогнув, руку!
Она измазалась порядком,
А запах жижи был прегадким...

И вмиг сморчком – моё лицо–то...
Отмыть, отмыть быстрее охота,
И вмиг к ручью стремглав помчался!
И отмывал там четверть часа...

Но запах чувствую донине,
То испражнения гордыни.
Не чистит ввек она гнезда–то,
Вот в нём всегда и грязновато...

Как у людей, красы большою,
Да вдруг с отвратною душою.
Идут с спесивым, чванным видом,
В делах подобны ж гнусным гнидам.

И встречусь коль с таким «уродом»,
Вмиг вижу: тот живёт уродом.

Шершни!

Ручей, где руки мыл брезгливо,
Бежал с пригорочка бурливо.
Давая здесь начало речке.
К нему тянулись всех сердечки,

И был для всех он, как ребёнок,
Жил в желобке, как средь пелёнок;
Потом его бежали ножки
Вдоль по овраговой дорожке,

Все огородные посадки
Обрызгав! Капли им и сладки.
Был благородного призванья,
Имел он «Слатенький» названье,

Что слова «сладенький» нежнее,
И был любим, как жизнь, сильнее.
А ребятишкам был наградой,
В жару с купанием – отрадой!

Сторожевого были долга
В саду собаки Днепр и Волга,
Туман, их маленький сыночек.
С Днепром, с Туманом я разочек

И в лес ушёл, весьма довольный,
Авторитет, мол, будет вольный
Давать строжайшие команды,
Они тому и будут рады.

Не убежали чтоб обратно,
Я гладил их, ведь то приятно...
И вдруг увидел я берёзу,
Та необычайшую позу

Ствола внизу своём имела.
Ах, вот так чудо! Вот так дело!
Шли два ствола сперва отдельно,
Всяк по себе живя, удельно.

Но от земли уж, где-то в метре,
Своих лишались геометрий,
Срастались в тесные объяття,
При встрече как родные братья,

И расходились после сна...
Я, изумленья выдав слово,
Услышал вдруг: у основанья
Стволов тех шершней шло жужжанье...

И встал с опаской подалече.
И вдруг Туман рванулся резче
И ткнулся в шершней тех уж носом
С прелюбопытнейшим вопросом:

«Вы кто такие есть за звери?».
Открылись вдруг ответа двери,
Туман моментом был ужален,
Вид ошарашен был, печален

Его, и щёлкал он зубами,
Мол, вмиг расправлюсь с всеми вами!
Но вот неистовость—то роя
Не признавала в нём героя,

Вонзалась в тоненькую шёрстку,
Создав его уму загвоздку:
«А что то, братцы, есть такое,
Что больно псу и нет покоя?».

Дунай стоял, смотрел с улыбкой...
Не то, что храбрости он хлипкой,
А был пожалован уроком
На шкуре собственной, зрел оком.

А потому позволил сыну
Попасть для опыта в картину.
А тот скулил и извивался,
Прочь потерявши вид свой аса...

А любопытства всё лишь ради.
Над ним рой, спереди и сзади,
С боков, нос жаля, жаля ноги...
И оттого он был в тревоге...

Я оторвал его от роя,
И мы спешили прочь уж трое!
И долго—долго наш Туманчик,
Идя, подскакивал, как мячик,

Вон огрызаяся кому—то,
Кто вдруг кусал незримо, круто...
Теперь, рой встретив ненароком,
Спешил прочь, сжавшись, боком—боком...

Урок навеки дал ведь пользу:
Нельзя вставать пред роем в позу.
И мне уроком было тоже,
Со мной ведь случай был похожий.

Гулял я днями как-то лесом,
Грибы собирал и был повесом
И шаловливого закваса:
Я на берёзки вдруг взбирался!

Они, тонки все, вмиг сгибались,
И в том была отрады завязь:
Спускался, как на парашюте,
Держась за стволик, в счастья жути!

А приземлясь, спешил по новой,
Чтоб быть в отраде вновь медовой!
В такие чудные мгновенья
Не проявлял я уж стремленья

Грибов набрать, до них в игре ли?!
К тому ж. прельщали птичек трели,
А их увидеть глазкам надо!
Их оперенье, вид – отрада...

И проходил так день бурливо.
Грибов в корзинке – сиротливо,
Они лежали лишь в рядочек...
Вот так, в один такой денёчек

Я шершней рой узрел случайно,
И захотелось чрезвычайно
Медком полакомиться тут же.
Я палку взял, ведь не снаружи

Их домик был. Хотел раскопки
Уж совершать... Как вдруг наскоки,
Сначала только одиночек,
Потом вжужжал уж ручеёчек,

За ним взъярился рой весь оптом!
Я вмиг покрылся страха потом...
Сначала начал отбиваться,
Но шершень в гневе, нет, не цаца,

А сверхбесстрашный в битвах воин!
Я ж дать отпор был не достоин,
Помчался прочь, как трус-зайчишка!

Зачем напал на их домишко?!

И был ли мёд в нём, может, детки?
Лицо хлестали больно ветки,
Стволы на лбу лепили шишки,
Кустами рвались вдрызг штанишки...

Ну всё, не дать от них мне тягу,
Как вдруг споткнулся о корягу,
Упал, ударя больно тело...
А роя злоба... пролетела!

Да, пролетела надо мною
Вдаль по инерции стрелою!
В траве лежал я тих, распластан...
Нет, бег не нужен, бегу – баста!

Дождусь, коль рой уж вспять промчится.
Уж онемела поясница...
И вот отрадная минута,
И в счастье вновь душа обута:

Рой вспять промчался, весь в жужжанье!
И дал себе я заклинанье,
Рои что трогать ввек не надо,
Не зреть медового парада,

Защитник мёда есть коль грозный,
И был в сей клятве ум серьёзный.
Вот почему Тумана ропот
Мне был понятен: жизни опыт!

Он у меня искал защиты,
Судьбой нечаянно побитый...
И гладил я его почаще,
Быв на поляночках и в чаще.

Грибов набрав, пошли обратно,
У дяди Пети ведь приятно,
Он угощает чем-то сладким,
А я на сладкое был падким...

Эх, прокачусь!

К тому ж, имел он транспорт чудный,
Велосипед! И я, занудный,
Хотел иметь уж наслажденье
Освоить им бы враз вожденье,

Крутить, крутить быстрее педали
И мчаться вихрем, вихрем в дали!
Но страсть, желание заметя,
Мне так ответил дядя Петя:

«Тебе пока что рановато,
Он взрослый, ездить трудновато,
Ты не достанешь до педалей
И не достигнешь, значит, далее,

А наберёшься только сраму».
И посадив меня на раму,
Проехал тихо по дорожке,
Потом поставил вновь на ножки.

И я решил, что обучение
Езды прошёл в одно мгновенье.
К тому же, видел, как детишки,
Вон засучив свои штанишки,

Хотя и ростом маловаты,
Да вот умом не простоваты,
Они обеими вставали
Ногами ловко на педали,

Одну сквозь раму втиснув ногу,
И за дорогою дорогу,
Стремглавши мчась, покоряли
Враз всевозможнейшие дали,

Прилипнув к раме чудно сбоку,
Раз уж с сиденья нету проку.
И хоть сей транспорт был мне милым,
Он оказался не по силам,

И не знаком, и не привычен,
И в управленье необычен,
Держать ещё и равновесье...
И был расстроен напрочь весь я.

Но не страдать же мне веками!
И взявши крепко руль руками,
Велосипед повёл по кругу,
Дав равновесие–подругу

Ему, руля, чтоб не наткнуться
На что–то, выглядев вмиг куце...
Потом, залезши на скамейку,
Я превратился вмиг в умейку,

И раму всё же оседлавши, —
Где не бывали только наши! —
Я, растопырив шире ноги,
С пригорка съехал по дороге.

Но прекратилось лишь движенье,
Упал я с грохотом в мгновенье...
Но был азарт и радость рая!
И ссадин уйму потирая,

Я вновь с пригорочка спускался,
И превратился в экстра–аса,
Держа рулём уж направление
И равновесия уменьье.

Теперь пора и за педали!
И руки мелко хоть дрожали,
Я встал на них, как все ребята,
Но не поехал скоровато,

А завалился набок мигом,
Велосипедным сдавлен игом...
Так продолжалось многократно,
Ох, падать было неприятно...

И я оставил все попытки
В езды галоп пускаться прыткий,
Что попадёт мне нагоняя,
Неоднократно что роняя

Велосипед, его калечу,
И не отделаюсь что речью...
Уж лучше по лесу шататься,
Он был замест родного братца,

В жару ведь было в нём не жарко,
А в дождь в нём грязи нет, не марко.
Вот и ходил уединённо,
Красотам радуясь влюблено...

Легкомыслие

Иду я раз, с–под ног вдруг птица
Стрелой как в небо устремится!
Глядь, из гнезда. В нём два яичка.
Детей с рожденья же привычка

Всё брать, увидят что, руками,
И было, будет так веками.
Их взял я, радуясь находке,
И вид при этом был не кроткий,

А чрезвычайно лучезарный!
Не знал, поступок что коварный.
Иду, несу их... Вдруг повторно
Другая птица – фырк! – проворно

Взлетела прямо под ногами...
В гнезде яички в той же гамме,
Что и у первой были птицы.
Как радость с чуда взфеерится,

Аж ли под самую макушку!
«А подложу их под несущку,
Она и выведет мне птичек
Из этих самых вот яичек!».

Тут мысль пришла вослед другая:
Чтоб не разбить их, собирая
Грибы в любимом мне лесочке,
Дай, положу без проволочки

Все яйца в гнёздышко одно я,
И радость мысли сей не скроя,
Я так и сделал, заприметил,
Где все сложил яички эти,
А сам пошёл собирать грибочки...
И, точно, падал через кочки,
Хваля себя за ум, решенье,
Яички будут в сохраненье

В гнезде последнем что надёжно,
А наберу грибов, несложно
Забрать их будет из гнезда–то,
Домой идти уж шустровато!

Но как же жизнь у нас превратна!

Когда к гнезду пришёл обратно,
Погром в гнезде увидел птички:
Разбиты были все яички...

Хозяйка, зная, подвох узрела
И уничтожила все смело.
Нельзя вовек их брать руками,
А я... От горя со слезами

Домой пришёл и виновато
Был удручён дней многовато,
И даже к играм нету рвенья...
Деданька это настроенье

Моё заметил глазом сразу
И повторял от раза к разу,
Что я виновник той беды-то,
И мною птичек жизнь разбита,

Мол, в голове должна ума-то
Всегда быть полная палата.
И дал задачу в наказанье,
Чтоб проявил я вмиг старанье,

Нашёл бы курицу: пропала,
И нет её уж дней немало...
По сторонам я левым, правым
Искал её в кустах, по травам,

«Цып-цып!» – кричал я громко, ясно,
Но всё-то было, всё напрасно...
Хорёк иль коршун вдруг украли?
Сидим, тихи, в своей печали,

Она раскрыла настежь двери...
Ну что ж, бывают и потери...
Да слышим вдруг цыпляток писки,
Ведёт их курица всех к миске

И квохчет мамою прилежной,
О них в заботе тёплой, нежной...
Вот и пришла сама пропажа!
Мы рты разинули все даже...

Она ж, уняли чтоб волненье,
Прими, хозяйство, пополненье,
Своим как будто кажет видом,
Не место, мол, теперь обидам.

Бабанька, вмиг пшена насыпав,
Привычно вслух им: «Цыпа–цыпа!
А ну, покушайте-ка, детки...».
Такие случаи нередки.

Взбредёт вдруг курам на сторонку
Нестися тайно потихоньку,
Им, вишь, вдруг стало не охота
Нестись, как все, в одно гнездо–то.

Вот ото всех они украдкой
Яиц и радуются кладкой,
Сидят на них, выводят деток...
И эта сделала тож этак.

И ей на радости простили,
Прощенье было долго в силе.
Все в возбужденья были раже...
Мы на обед пошли сейчас же,

Бабанька с ним уж хлопотала,
На стол явив нам яств немало.
И, как всегда, посередине
Стояла миска в всей гордыне,

Своим объёмом пребогата,
И горкой хлеб не скуповато,
И деревянные вокруг ложки,
Все расписные, как серёжки,

И молока–то всем по кружке,
Они стояли, как подружки,
Все в нетерпении на старте!
А отхлебнуть из миски, кстати,

Имел деданька первым право,
Потом другая уж орава,
Ведь был порядок в том старинный,
И ряд веков прожил он длинный.

Все из одной и ели миски,
Лишь за ушами были писки...
Да каждый лишь с своей сторонки
Не то удар в лоб распрезвонкий

Вдруг получал отменно ложкой!
И затихал шкодливой кошкой...
Все при еде стихали лясы.
Кусочек первый брался мяса

Из миски тем, кто в доме главный,
То бишь, хозяин мудрый, славный.
Но к образам перед едою
Все обращались гурьбою

И утешались молитвой
Перед трапезной вкусной битвой,
Хвалу воздав за все щедроты,
За хлеб, скотину и компоты...

И съевши всё, до малой крошки,
И облизавши чисто ложки,
Вновь с сытым, приторнейшим стоном
Все обращались к иконам,

Хваля Всевышнего повторно,
Что в животе уж не просторно.
И с этим самым этикетом
Я был знаком зимой и летом,

Когда неведомая сила
Вдруг в дом деданькин заносила.
Там лоб не знал всегда обновки,
А только глаженье головки

Руками нежными всегда-то...
Я ж сын погибшего солдата.
Ведь за свободу чем-то платим,
Мой папа был деданьке зятем,

А мамка дочерью родною.
И безутешною вдовою...
На грудь дедане сниспадала,
Прикрывши часть её немало,

Седая в цвете бородачи,
Под носом мощные усищи,
На голове копна густая
Волос и тоже вся седая.

Не зрел под теми я усами,
Владел ли всеми он зубами,
Но у бабаньки было мало —
Так жизнь подряд их все сжевала...

Когда во рту их маловато,
Жевать и грызть, ох, трудновато...
Её в том видя затрудненье,

Я проявлял своё стремленье,

Помочь чтоб ей в её жеванье,
От всей души взовья старанье
При извлеченье тыквы зёрен
От оболочки. Был проворен,

И кучка их росла степенно —
Так разгрызать умел отменно!
Потом дробил их, сыпал в ложку
И в рот бабаньке понемножку

Уж отправлял со всем стараньем...
В своём так возрасте уж раннем
Во мне вспылала вдруг забота,
Нуждался кто в ней. И охота

Всё делать доброе поныне,
Наперекор всея гордыне.
Бабаньки было умиление,
Слезинок даже появленье

Я замечал вдруг под глазами —
То благодарность мне слезами.
И было также вот однажды,
Когда в подъёме был сей жажды,

Мы шум слышали снаружи
И злобный лай собак, к тому же,
Не на одном дворе – повсюду,
Как будто бил кто где посуду,

И звон с того был страшно адский...

Караул, цыгане!

Мы вышли все. То мир цыганский
В село вторгался броско, шумно,
Вон взбудоражив всё безумно!
Все на запор калитки, ставни —
В том опыт был народа давний,

Ведь от цыган лишь разоренье,
Всё украдут в одно мгновенье!
Собак с цепей спускали дружно:
Сады, добро спасать ведь нужно!

Цыгане наглые пройдохи,
Чуть отвернись, – потери, вздохи,
Вмиг уведут всё из–под носа,
Им нет закона, нет с них спроса,

Пристанут так ко всем репьями,
Что отдают те всё уж сами,
Лишь б отвязались ада черти.
И так все думали, поверьте.

А потому скотина, птица
Вся под запор стремглав стремится;
Боясь в доме большой потери,
Им не откроют вовсе двери,

Детишек прячут, где как можно:
Крадут цыгане их безбожно.
Село становится вдруг бедным,
Не дать чертям чего–то вредным.

Те от села уж где–то с края
И оседают. Не сгорая,
У них костры чадят отменно,
И песни, пляски непременно
Всю оглушают вон округу,
И ночь, всем милую подругу,
Не признают в своих делах–то:
Вот такова их жизни вахта.

Стремится в угол самый дальний
Звук молотков о наковальни...
Всё погадать стремятся рьяно,
Насев напором, что бурана!

Всё всем предскажут досконально,
Потом и выклянчат нахально
Вон из карманов все копейки,
Отбиться раз те неумейки.

Все их гаданья нагло лживы,
Бесчестной ради лишь наживы.
И любят так добыть деньжишки
Их голопузые детишки.

...Шла мать с таким одним пройдохой,
Был голопуз, как все, и крохой,
Но, поровнявшись со мною,
Он подбежал, схватил рукою

Своей грязнущей за рубаху
И предложил настырно, смаху
Мне показать свой танец дивный
На... животе! И я, наивный,

Что есть такое диво в мире,
Развесил уши, рот пошире,
Мотнул в согласие головою,
А он одной, другой рукою

Побарабанил по пузреню,
И не прильнув никак к стесненью,
Просящее сунул мне ручонку,
«Позолотил» её чтоб звонко.

Замялся я... Хоть бы полушка!
А мать его, как злая клушка,
Вмиг на меня и наскочила,
Мол, не платить за труд не мило!

Я вспыхнул краскою, как спичка...
Примчал домой, принёс яичко,
И хоть она взяла поспешно,
Ругалась долго, громко, грешно,

Собак в округе взбудоража...
Людей такого в жизни ража
Потом встречал довольно много,
Нахальна их в пути дорога,

Во всё влезая беспардонно,
Дела свершая незаконно.
Потом ушёл цыганский улей,
И с облегченьем все вздохнули...

Опять все зажили свободно,
Тому и рады всенародно,
Дворов покинули враз клетки
Скотина, птица, знамо, дети,

Не проникали в огороды
Цыгане – воры, сумасброды,
И всё гуляло, как обычно,
Вольготно, тихо и привычно...

Опять велосипед!

И я, как все, не исключенье,
Моё взыграло вновь стремленье
Освоить прыть велосипеда,
Была над ним чтоб враз победа!

К тому ж свалился повод веский
Поехать вдаль, когда соседский
Мне предложил то сделать мальчик;
И к дяде Пете, будто мячик,

Я поскакал, горя желаньем
Велосипеда оседланьем
Заняться тотчас же и трезво,
Чтоб съездить с мальчиком вдаль резво!

А ездил он отменно, смело.
Не просто так, а было дело —
За хмелем съездить вдаль с мешками,
Его доставить чтобы маме,

А из него она закваску
Уж сотворила б. Будто сказку,
Воспринял эту я возможность
Поехать с ним. Про осторожность

И позабыл. Зато, сумевши,
Ну не совсем чтобы, как леший,
Езду освоить рамы сбоку,
Вон сквозь неё просунув ногу,

Я взгромоздился на педали,
Поехал, стоя, криво в дали...
А было хмеля там обилье
И над деревьями засилье:

Обвил до самой их макушки
И изнывал уже от сушки...
Вот где раздолье мальчуганам!
И враз, подобно обезьянам,

Мы на деревья лезли эти
И хмеля сбрасывали плети,
А их в мешки уже совали.
А те – на раму. На педали

Лишь встали только на дороге,
И затруднились тяжко ноги...
Сдержать как трудно равновесье,
Мешков швыряла тяжесть бесья

Велосипед во все сторонки,
Его я с хиленькой силёнки
Уж чуть держал, чтоб не свалиться,
Не ушиби меня, земляца!

И на дороге это было,
По ней хоть ехать и не мило,
Но кое-как я всё же ехал,
Не тарахтевши и без смеха.

Но вдруг пришло на ум желанье
Путь скоротать, и я старанье
Педалей тропкою направил,
Езды по ней не зная правил.

Она узка и извивалась,
Чуть отвлечёшься, хоть на малость,
И вмиг с кустами столкновенье,
Ну и на землю – бряк! – в мгновенье...

С кустами было чуть попроще,
А вот с деревьями – пожёстче,
В них долбанёшься так серьёзно,
От боли что рыдаешь слёзно...

На всё пришлось уж грозно злиться...
Погнулись многие вон спицы,
Колёс «восьмёрки» заюлили...
И был с натуги весь я в мыле.

Нет, не достиг езды я класса
И рад, что всё-таки добрался
До дяди Петинога дома;
Такая вдруг взяла истома,

Чуть не уснул, вон вдрызг уставши...
Да ум мой был уже постарше,
Сообразил: бежать бы надо,
А то ушам придёт награда,

Велосипед помял что всмятку,
И я одну, другую пятку
Намыля, так помчался к маме,
Что пыль за мной пошла клубами!

И не вертался долго боле,
К тому не чувствуя уж воли,
Ведь жизнь в опасности превратна.
Но слышал я неоднократно:

«Аль Славик занят всё делами,
Что уж не видится так с нами?».
А «Славик» – я своей персоной,
Не по душе вопрос был оный,

Не надо хитрых мне комедий...
Намёк, знать, о велосипеде,
Имел предчувствий я познания:
Приди, и вмиг ждёт наказание...

Но вдруг в один, как все, денёчек
Велосипеда я звоночек
Услышал, вздрогнув, под окошком
И испугался не немножко.

Я так и знал: то дядя Петя!
Меня увидел, но приветя,
Обнял тепло заместо братца:
«Ну, вот, изволь теперь кататься, —

Сказал с душою вдруг он доброй,
Нет, не набросившись коброй, —
Теперь он твой, катайся вволю!
А поломаешь, вновь изволю

Его заняться я починкой.
Носись дорогой и тропинкой!
Будь аккуратней лишь, не падай».
И было это мне наградой,

И покраснел я свёклой красной...
Была тревога, знать, напрасной.
Он мотоцикл купил вдруг днями,
Чтоб ноги ехали тож сами,

А не крутили всё педали...
А я умчался тотчас в дали!
Потом к его вдруг прибыл дому,
Нельзя же случаю такому

Не быть, не видя мотоцикла!
И вот он! Вмиг душа приникла
К нему и взор, и захотелось,

Вон наострив опять же смелость,

На нём селом стрелой промчаться,
Всех удивляя домочадцев!
И я смотрел, смотрел в восторге!..
Но... завертели снова ноги

Педали транспорта обратно...
И было радостно, приятно
Всем показать в селе ребятам,
Что обладаю я богатым

От дяди доброго подарком.
Пусть все глядят в восторге жарком!
Теперь с своим велосипедом
Уж всякий край был мной наведен,

Прибавя дружбы с детворою,
Что было радостно, не скрою.

Спор на рубль

И вот в один такой вояжик
Я оказался среди ватажек,
Что шли купаться все на речку.
А это радостно сердечку!

И я примкнул к гурьбе с желаньем,
Ведь плавать мог уже не «камнем»,
Но «головастиком» уж точно,
И наяву, а не заочно,

Тем паче, был с велосипедом,
И все за мной ходили следом,
Меня в том гордость распирала...
Но было нам пройти сначала

Чрез реку мост большой, высокий.
И всем пацан вдруг кареокий
Да и скажи затравно сходу:
«Никто с него не спрыгнет в воду,

То всякий сделать побоится».
И вниз с моста взглянули лица...
И отошли, попятясь, снова:
Убьёшься тут за будь здорово...

И надо ж, вот толкнули черти,
Ах, безрассудные всё ж дети,
«А я смогу!» – сказал нахально.
Засомневались все повально,

Но я поддал себе задора,
Вошёл уж в лоно с ними спора
И заявил, хвалясь, надменно:
«В портках я прыгну непременно!».
Все зажужжали, будто пчёлы,
Смешок по ним прошёл весёлый,
Никто не прыгал, мол, отважно...
«А спорим!» – вдруг сказал им важно,

Вон охмелев от наглой прыги, —
Но рубль за то мне отдадите!».
Ну, все согласны, в том уверяясь,
Что не пройдёт мне эта ересь.

Во мне вдруг страх, сомненья буря...

Но рубль! И вот, глаза зажмурия,
Я вниз «солдатиком» понёсся,
Зажав рукою крылья носа,

Вода в него чтоб не попала,
И испугавшись немало,
Душа с того ушла что в пятки...
Но я в воде. И всплыл! В порядке!

И дали тихо мне мальчишки
Тот рубль из мелкой мелочишки,
И было им уж не до смеха...
Штаны же высохли, коль ехал.

Ребятам было чуть обидно,
Но больше каждому завидно...

Самолёт!

К отходу лето подходило,
И я заботился уж мило,
Идти чтоб в школу на учење.
И было в том моё стремление,
Ведь буду скоро перовоклашка!
Штаны готовы и рубашка,
Чернила в чём – непроливайка,
Пред «мелюзгой» стал задавайка,

Букварь с картинками, тетрадки —
И чем писать... Ну, всё в порядке.
Учись и впитывай все знания
И проявляй во всём старанье.

И мы шесть дней среди недели
В тетрадях перьями скрипели
И буквы громко повторяли,
Сквозь окна пляся всё в дали,

Где всё азартно и знакомо,
Где не брала средь игр оскома!
А тут... всё палочки с наклоном,
«Чистописание» что дало нам,

Да не залезть чтоб за линейки,
И в счёте были бы умейки.
И нам учительница сказки
Читала, к ней стремились глазки...

Но все мы ждали непременно,
Когда же будет перемена,
Чтоб побеситься до упаду!
И с нами не было в том сладу.

Как жаль, она коротковата,
Не будешь в буйстве многовата...
И вдруг устроили такую
Себе нечаянно большую,

Что нет такой ввек в расписание!
Причина – в небе рокотанье
Мотора стало самолёта...
Вмиг посмотреть его охота!

А заходил он на посадку...

Нас сдуло с парт всех по порядку,
Не поддалися уговорам...
А к самолёту мчались скоро,

Крича в восторге, как галчата!..
«Вернитесь! Стойте–ка, ребята!» —
Призыв учительницы сзади...
Но мы не просто так, а ради

Чего–то мчались, очень рады,
И все не слушались команды.
Пришлось учительнице с нами
Спешить быстрющими шагами,

Не разбрелись чтоб, как цыплятки.
С мотором было не в порядке
У самолёта? Дядя лётчик
Вокруг ходил... Ну, хоть разочек,

До самолёта прикоснуться!
Потом не чувствовать чтоб куце
Себя среди мальчишек стана,
Пытать что будут беспрестанно,

А как он выглядел, большой ли,
Мог поместиться ли на стойле
Коров колхозных – по размеру,
И были близко ли мы в меру

От этой неба чудо–птицы,
Орлов прекраснейшей сестрицы?..
А потому мы жались кучно
Всё к самолёту, но поштучно

Нас окрик сдвинул всех обратно,
Что всем, конечно, неприятно...
От полевого стана бодро
Носили с чем–то дружно вёдра

Механизаторы, и лётчик
Из них сливал уж то в бачочек,
На самолёте что, и вскоре,
На наше скорбнейшее горе,

Мотора было тарахтенье,
Винта усилилось крученье...
И самолёт взмыл от стернины,
И в неба вклинился вершины!

И улетел куда-то в дали...
А мы руками вслед махали,
Вон не жалея голосочка!
И нас обратно, будто квочка

Цыпляток водит за собою,
Вела галдящею толпою
Опять учительница в школу,
Уж не подобная уколу

В своём строжайшем назиданье,
А вдруг открывшая нам знанье,
Как самолёт летать так может,
Какая сила держит тоже

Его среди высот небесных,
И мы в познаниях сих чудесных
За парты сели в школе скоро,
Но тут – Ура! – вся наша свора

Звонок услышала и мигом
Домой помчалась с визгом, криком,
Крутя руками, как винтами,
Мол, самолёты мы и сами!

Прочь разбегались куры с криком,
Собаки в лае все великом!..
А у учительницы рыбкой
Лица плескалася улыбка,

Когда вдруг вспомнила вопросик,
Что задал носик ей–курносик:
«А может ли взлететь корова,
Крутя хвостом за будь здорово,

Как быстрый винт у самолёта,
Ушей вон в стороны отлёта,
Его, как крыльев? Может? Может?»
И все вопрос как тот умножат:

– А бык, а лошадь, поросёнок?
– Да нет, не хватит их силёнок,
Они на то тяжеловаты...
И долго длились бы дебаты,

Да вдруг вспугнул их всех звоночек,
Они под визг и гам, смешочек,
Как из гнезда, и упорхнули,
Домой летели, будто пули!

Несли восторженнейше знания
И жизни новые познания.
Счастливым путь в ней пусть вам будет
И добрым век, росточки–люди!

По тонкому льду...

Уж, глядь, покрылась осень снегом...
Вон отошла пора телегам,
Вокруг уж властвовали сани,
И светлый день не с самой рани,

Пыль не взобьёшь уж на дороге,
В снегу тонули тяжело ноги,
Полей, садов жизнь замирала...
Но дети! Дети без забрала

Зимы встречали вид суровый,
И вид их был с того здоровый,
На щёках красные малинки
И голосочки без заминки

Отрадно птичками порхали
И мчались радостнейше в дали
Неугомонным, звонким эхом...
И игры все с отрядным смехом!

И всем тепло, лишь пар клубится...
И всех салютные лица!
На льду, на горках, в чаше леса —
Где только нет дитя-повеса!

Жаль, длятся дни коротковато
Зимой, печалются ребята...
Зато ночей для сна щедроты
Дают спать долго, без заботы

Вслед за сумерничаньем длинным,
Порядком выданным старинным,
Когда приходит в гости кто-то,
И говорить уж всем охота

Всё о житье-бытье насущном
Во тьме, в контакте сём не скучном,
Карманы семечек погрызши,
Что шелухи горшков аж выше!

Под огонёк лампёшки тусклой,
Горящей слабо, без нагрузки,
Ведь электричества нет в хатах,
Зато в броне тьма вся и в латах —

Вот так сидят, ведут неспешно
Свой разговор... Уйдут, конечно,
Речей уж коли нету темы
И дрёме вспыхнувшей дилеммы,

Идут в тьме, часто спотыкаясь,
И крепких слов с того мчит завязь...
Звучит отборная же нега,
Коль нет ещё покрова снега,

А коль уляжется степенно,
Идти в ночи уже отменно,
Он льёт свой свет вокруг волшебю,
И завязь слов уж не потребна.

Но вот каникулы! И дети,
Подобно космоса комете,
Несутся вдаль опять стремглавы
И не хотят ни шей, ни каши,

Друг с дружкой было бы общенье,
Ведь в нём им вечно наслажденье.
Их там и сям бывают стайки,
А речи – звуки балалайки!

Колоколов же перезвоны...
У них свои во всём законы,
Понятъя чёткие и мненья,
С их губ слетает без стесненья

В глаза кому–то правда–матка,
Тому хоть это и не сладко
И перед всеми посрамленье,
И от ватаги отстраненье,

Боль нанося тем и не зная,
Что губит так атака злая.
И что при этом характерно,
Не знают, это что прескверно,

Наоборот, тому все рады,
И унижения тирады
Всё льют и льют, как из ушата,..
Вот бессердечные ребята!

И закрепляются так клички,
Аж до серьёзной сходу стычки!
И долго прозвище живуче,
Бедняжку этим тяжко муча...

Я это знал и всё боялся,
Такой язвительности брасса,
И избегал, как мог, напасти,
Оно даёт одно несчастье

И взгляд обиженного тучей...
Вот был со мной однажды случай,
Вон несуразный изначально,
Что мог окончиться печально.

Каникул зимних было время,
И всё мальчишеское племя
На горках время проводило,
И было весело всем, мило,

И всех сияли в счастье лица!
Да вот же надо вдруг случиться,
Во время этой что услады
Мне отнести гостинец надо

Преаккуратно в узелочке
Для дяди Петиндой, вишь, дочки.
Мороз на улице трескучий...
И нет защиты, знамо, лучшей,

Как в шаль укутать потеплее,
Идти в ней будет и милее —
Так мне маманька заявила
И вмиг укутала премило,

Лица не видно, только глазки,
Иди теперь, мол, без опаски,
Не отморозишь, точно, нос-то...
И так разумно да и просто.

Иду, иду себе дорожкой,
Гляжусь укутанной матрёшкой...
И оставался путь уж малый,
Как впереди визг, крик удалый!

То на мосту галдят ребята...
Ну, будет критики расплата,
Что я в платке иду девчачьем!
А путь чрез мост и не иначе.

Ой, осмеют меня, конечно,
Все дружно, громко, бессердечно...
И я, не быть в душе чтоб ране,

С дороги в снег свернул заране

И, скрытый реченьки кустами,
К ней ринул быстрыми шагами,
От спешки весь залившись потом...
Своим она и поворотом

Спасла от грязного позора.
Сижу и жду: уйдут, мол, скоро,
Вот тут чрез мост я и пройдуся
Походкой важною, что гуся, —

Таков мой вид был неуклюжим.
Ну, уходите, ну же, ну же...
Они ж, назло как, в играх пике,
В азарте—сказке, в звонком крике!

Так ждать их можно бесконечно...
И я решаюсь вдруг беспечно —
Вот обману вас, знайте, братцы! —
По льду чрез речку перебраться,

Хоть был ещё он страшно тонок,
Держать кой—что и нет силёнок.
И я ступил на лёд опасный...
Ах, как в своём решенье классный!

А лёд трещал и прогибался...
Но не сменял пути я галса,
А затаив дыханье, тихо
Ступал, проваливанья лиха

Чтоб избежать... А в нём вмиг крышка
Мне будет, точно... Стой, мальчишка!
Позор толкал же безрассудно:
«Иди вперёд!» — шептал занудно...

Лёд, как слюда, прогнулся даже,
Но я уж был всю отважен!
Ползком закончил путь чрез речку.
Ах, как же радостно сердечку!

Заулыбался вмиг невольно
И, сам собою уж довольный,
Свой путь закончил я задами.
А мост звенел всё голосами!..

Так избежал я посрамленья.
С тех пор маманькины стремленья

Мне повязать платок встречали
Отпор ей в самом уж начале.

И в шапке я ходил преважно,
И ощущал себя вальяжно:
Мужик я гордый, не девчонка,
Среди ребят смеялся звонко!

И вот я прибыл к дяде Пете,
Всё ж не попав в насмешек сети;
Родня меня чуть не признала;
В снегу налипшем был немало,

Вон пропахав по бездорожью
Весь от макушки и к подножью,
Как снеговик, вдруг оживевши,
О, может, оборотень, леший,

Чем напугал его я дочку.
Узнали лишь по голосочку.
Меня, одежду на печь дели:
Просушка будет пусть, мол, в деле,

А мне и было это кстати,
Чтоб через мост, чур, не шагати,
А вот уйдёт день, потемнея,
Тогда и буду я смелее:

Ребята с тьмою разбредутся,
Не буду вмиг смотреться куце.
Всё так по-моему и было,
Шёл по дороге вспять я мило,

Весь вновь укутанный, как шарик,
В руке держал – Ура! – фонарик,
Мне дядей Петею вручённый,
Чтоб в тьме был путь не удручённый,

Он научил включать его-то,
И мне то делать страсть охота,
Тем боле, что светить мог светом
Разнообразным он, при этом:

Зелёным, синим, белым, красным...
Мне так казалось прекрасным,
Волшебным дивное свеченье,
Что в дом придя, его включенье

Я продолжал и уж в постели,

Покуда глазки всё смотрели,
Включал, включал... Коль встал с рассветом,
Фонарь не радовал уж светом:

Он в сне моём был всё включённым...
И стал с того я удручённым:
А что скажу я дяде Пете,
Его фонарь что не при свете?

К нему и кончились хождения,
Тревоги было наваждение...
Опять к маманьке был вопросик:
«А почему не кажет носик

К нам Славик, разве до порога,
К нам расстояния так много?».
Опять без страха был не вхожим
К ним милым внучиком пригожим.

Не прерывались посещения
К деданьке только: угощения
Перепадали там частенько,
Я уплетал их здоровенько!

И там же был со мною случай,
В душе осел что мрачной тучей.

Лизнул железку я зимою...

Ворота были там из тёса,
Во двор не тыкали чтоб носа,
И был для всех запор не ложный:
Железный прут, весьма надёжный.

Вот как-то вышел из избы я,
К нему шаги свои лихие
Пустил, с него слизать снежочек.
Лишь только начал, язычок

Мой и примёрз к нему серьёзно...
Страх обуял меня прегрозно,
Что оторвётся рта частица,
И надо прочь бы удалиться,

Да не пускает железяка!
Ну положенье, скажем, бяка...
Так и стою, и слёзы льются,
Смотрюсь от паники весь куце.

Язык к железу всё-то крепче
Вон примерзает, нет и речи,
Освободиться чтоб из плена,
И надо б крикнуть непременно,

Да рта никак я не разину,
Стоял, не двигаясь, картину
Собой являя, будто рыбки,
Что на крючке, усилъя зыбки,

С него сорваться прочь которой,
Чтоб вглубь нырнуть вон с тягой скорой!
Так и стоял всё без движенья,
Тих, скорбен до изнеможенья

У железяки сей заклятой...
Да вышел дедушка с лопатой,
Чтоб двор очистить вон от снега.
Глядит, меня не ластит нега...

И понял всё, сказав: «Вот бес-то!
Нашёл себе заботы место...».
Вошёл вновь в дом, пришёл с водою
Ко мне он тёплой, надо мною

Стал колдовать, лья струйкой воду
На ту железку, чтоб та сходу
И отпустила бы внучонка,
Чтоб вновь смеялся он презвонко,

Вон позабывши напрочь вскоре
Своё паническое горе.
Ура! Обрёл я тут свободу,
Помчался к зеркалу вон сходу,

Его радушны были вести:
Язык болтался мой на месте!
Но долго было ощущение
На нём того прикосновенья...

С тех пор зимою я не лезу,
Уж языком к всему железу.

Ледянка!

Зато деданька мне ледянку
Вдруг сделал. В школу спозаранку
Я шёл, учился, после сразу
На ней уж с горки – нету сказу! —

Катался лихо до упаду —
Такая вот была отрада!
Ледянка – как скамейка будто,
Дно было льдом её обуто,

Оно являлось доскою,
А я блаженства, нет, не скрою,
Уж восседал на верхней полке
И с быстротою не в размолвке,

Стремглав под горку вихрем нёсся,
Ногами правя, если косо
Она начнёт своё движенье,
И было это загляденье,

Ведь дно её, всё ледяное,
Скользило по снегу стрелою!
Мог править также и ногами,
Что заставлял её кругами,

А то и вовсе уж юлою,
Вращаться вместе – Ах! – со мною,
Одновременно вниз летевши,
Как будто был на ней сам леший!

И было много, так желавших
Скатиться, даже много старших.
Им отказать в моей ли силе?
Лишь в горку сами бы взвозили.

А были те, что даже в тазе
Слетали вниз в своём экстазе,
Юлой вращаясь по ходу,
Мою в том взявши тоже моду,

Спеша скатиться вновь азартно,
Ведь это было так приятно!
Наш дом далече был от горки,
Но он стоял чуть на пригорке.

«Караул! Волк!»

На лыжи я поставив ноги,
Съезжать мог к самой аж дороге,
От дел избавясь, вечерами,
Коль упаду, не быть чтоб в сраме,

Во тьме ведь мало уж прохожих,
Не застыдят: «Упал! Ты что же?».
Катался я без палок сроду
На удивление народу,

Зато имел приспособленье,
У лыж чтоб не было стремленья,
Коль упаду, умчать куда-то,
Ведь их собрать вновь трудновато

В снегу, без них вон увязая...
То мысль деданечки лихая
И оказалась в этом ловкой,
Соединить чтоб их верёвкой,

Концы к носкам тех привязавши, —
Ах, как умны идеи наши! —
Саму ж верёвку ту – на шею...
Вот так кататься я умею,

И не страшны бугры и кочки,
Ведь лыжи мчат на поводочке!
А для устойчивости пущей
Я с интуицией присущей

Вперёд с наклоном мчался с горки,
Присевши чуть, и взгляд мой зоркий
Сверлил пространство предо мною,
Не встал чтоб кто-то там стеною,

В неё чтоб больно не вонзиться,
А то нам будет враз горчица...
Вот так же я с пригорка поздно
Съезжал однажды. Тьма. Морозно.

И уж пора домой бы надо,
Как вдруг прегромкая тирада
Тревожных слов тишь поразила,
И их была такая сила,

И голос так надрывно звонкий,
Что больно стало перепонки, —
Так звук был колокол, звонок, резок,
По рельсу как битъё железок:

«Волк! Караул! Ой, помогите!» —
Он так звучал с безумной прыти,
Что вздрогнул тотчас я с испугом,
Ведь волк всему здесь не был другом,

Губили скот их стаи часто,
И люди все решили: баста!
И началось уничтоженье
Их, снизить чтобы размноженье,

И было то официально,
Ведь задирали скот повально,
Сберечь его лишь этой мерой,
Достал ведь всех разбойник серый.

Их мести мёл расплатный веник,
За что давалась сумма денег
Официально всем за это,
Что, кстати, плюс был для бюджета.

И вот вдруг крик, чуть не под носом!
Не задавался я вопросом,
Чей крик о помощи звал звонкий,
Узнал: соседской то девчонки,

А, значит, волк был очень близко...
Чтоб избежать съеденья риска,
Я лыжи снял моментом, ловко,
Их в руки взял – что ни винтовка!

Мол, отбиваться буду смело,
Пустивши в ход по волку в дело...
«Где волк?» – вскричал я ей с опаской,
С волками встреча ведь не сказка.

«Вон,! Вон! Ой, караул, спасите!».
Крик всполошил её обитель...
Раздался выстрел! Скрип – калитка...
В неё испуганная прытко,

Визжа, моментом пролетела!
«Э... мне стоять тут, нет, не дело...».
В свой дом помчался я поспешно!
Ведь струсить раз – оно не грешно.

Назавтра шума, разговора...
А оказалось—то... Умора!
Меня за волка в темноте—то
И приняла. Ай да примета!

Что оба мы облились потом
И задрожали с страха оптом...
Я стал невинной жертвой страха
А мне нужна ль такая плаха?

И хорошо, никто не видел,
Как я в трусливом к дому виде
Мчал вон от страха очумело,
А потому пред всеми смело

Дышать во все свободно жабры
Я мог: какой средь вас я храбрый!
А волка видел. Не живого.
Но всё ж боялся зверя злого:

С клыками пасть была в оскале,
А потому стоял подале...
Он был застрелен дядей ночью,
Когда ткнул в хлев вдруг морду волчью,

Знать, выстрел вовремя был меткий!
Их ловят также, строя клетки,
На крик ягнёнка иль козлёнка,
Что в одиночестве прегромко

Кричат, к родне своей взывая!
То слышит волк, вся волчья стая;
Чтоб крикунам всю дать перцу,
В клеть входят... Вмиг за ними дверца

И не даёт им вспять отхода,
И вот попалась злая шкода!
А молодняк кричит не тише,
Но в безопасности – на крыше,

Примотан крепко к ней верёвкой.
Достать, прыжок имей хоть ловкий,
Нельзя – так крыша сделана высоко,
Приманку видит нюх лишь, око.

Вот тут приходит, зверю рада,
Мощь оружейного заряда,
Она ему – за всё расплата,

Ведь зла творил он многовато.

Но это осенью и летом,
Когда тепло ещё, при этом,
Зимой замёрзнет вмиг ягнёнок,
И пропадёт вон крик презвонок,

Ведь жаль, хоть малую, скотину,
Являет чудо что – картину
В хозяйстве труженика вечно,
И жаль ему того, конечно.

Снимался с крыши тут страдалец,
От зверя был что лишь на палец,
И в ночь вновь смена караула,
Кричал на крыше чтоб не шуло,

Чтоб хищник в клеть попал бы новый,
Успех ловца бы был бедовый.
Потом клеть местоположенье
Меняла, чтоб не в отдаленье

Была от леса, где жилище
Волков, откуда стайно рыщут
Для нанесения урона
Скотине. Клеть здесь – оборона.

Но то мужицкое ведь дело.
В войну ж их рать, ох, поредела...
С детьми остались только вдовы,
Что разорваться все готовы,

Чтоб в норме было всё хозяйство
И сыты дети – всё богатство,
Да на колхоз трудиться днями,
Уйти чтоб в зиму с трудоднями,

Не класть чтоб зубы всем на полки,
Стеречь, чтоб скот не съели волки,
И выживать средь тяжких буден,
Как их черёд не стал бы труден.

У детворы ж свои понятия
О жизни. В играх все–то братья,
Соседки – будто бы сестрёнки.
Росли с годами, впав в силёнки,

И помогали по хозяйству,
Чтоб быть бы в нём всегда–то яству,

Внимали жизни и учася
Одновременно в нужном классе,

А также, всем как, коль суббота,
Им мыться в бане тож охота.

«ХНЫЧКИ»

У моего была деданьки
Для тел отрада – чудо баньки.
Она по-чёрному топилась,
И то для глаз, отнюдь, не милость,

Топилась долго и заране,
Тепло-тепло чтоб было в бане,
Имела каменку там – печку,
Ах, как же пар был люб сердечку,

Коль на неё плеснёшь лишь воду,
И было в радость то народу!
Под потолком была там полка,
Не полежишь где с жара долго,
Но то не русскому народу:
Лезть на неё старался сроду,
Чтоб был там веником обхлёстан,
Ведь молодым с того стать просто,

Потом летел, как быстрый голубь,
И с головой сигал вмиг в прорубь!
А то, кряхтя, валялся в снеге
И был с того в умильной неге...

Я не любил жару в ней очень,
Избечь её был заморочен.
Тогда меня стращали вшами,
Верёвку что совьют и сами

Меня опутают ей, в воду
Да и утянут! Что народу
Они так много погубили,
И до сих пор тела их а иле...

И моментально, не с опаской,
Катился в баню я колбаской...
Мне там приятно тёрли спинку,
Как все, был с паром я в обнимку,

И становилось легко-то,
На полку что залезть охота...
Но взрослых то прерогатива,
Они там парятся ретиво,

А детворы уж полки ниже,

Где не ядрён пар, а пожиже.
Потом в предбанник – одеваться,
И марш домой, как кукла–цаца...

А там во всём своём ударе
Вода кипела в самоваре!..
Варенье было из малины.
Не стол, а чудо–именины.

И ждал мой резвый язычок,
Чтоб на него залез медочек.
И чай все пили, коль охота,
Аж до седьмого вволю пота...

На том мытьё и завершилось,
Все вновь за труд, а я – за шалость!
И вот однажды в день так банный
Деданька, в проруби желанной

Вон окунувшись раз аж двести,
Принёс азартные мне вести,
Что там, у проруби, толпою
Стоят «хнычки» и что собою

Они красны, как угли в печке,
И все, как мини–человечки,
И все поют, как будто птички.
А ростом все чуть больше спички.

Вмиг так взглянуть мне захотелось,
В душе разыгралась буйно смелость,
Идти ведь к ним нагим лишь надо,
Тогда смотрин грядёт услада.

И я на то вмиг стал согласен!
Пусть будет выход и опасен.
Из бани выскочил вон пробкой!
Нагим помчался к речке тропкой,

Пришёл которой вспять деданя.
Не мёрз, согрела так–то баня.
Сейчас «хнычков» увижу дивных!
Но детский ум – то мир наивных.

Примчал!.. «Хнычков» –то и не видно,
Ни одного... Ах, как обидно!
Скривились губы... Слезы в глазках...
Так вмиг пропала чудо–сказка...

И я побрёл вспять, вон рыдая...
А вокруг погода ледяная.
Вошёл я в баню, и деданька
Сказал мне: «Плакать перестань—ка,

И верь, мой миленький внучочек,
Ты их узришь в другой разочек».
Я рассказал о горе дома.
Бабанька, мамка с мощью грома

Вдруг речь—отчитыванье грозно
Вонзили в дедыньку: морозно,
Мол, на дворе, тебе же шутки!
И долго крякали, как утки...

А я в «хнычков» поверил сразу
И бани ждал вновь – нету сказу! —
Чтоб нагишом примчаться к речке,
Где – точно! – будут человечки,

И я возьму их всех с собою,
Заняться с ними чтоб игрою.
Но каждый раз я хныкал снова,
Надежды ведь ко мне обнова

Не попадала счастьем в руки,
Хнычки же были, скорби муки...
Вот так и стал я закалённым,
Ядрёным, крепким, не солёным.

«Хнычки» же в памяти доселе,
Как вспомню, сдерживаюсь еле,
Чтоб смехом вдруг не разразиться!
А это жизни ведь частица.

Так закалял меня деданька,
И помогала в этом банька.
Не посмотрел «хнычков» умильно,
Зато своих имел обильно...

Весна идёт!

И вот к концу зима. Сугробы
Спешат вон прочь, весне дать чтобы
Не до колен в снегу дорожку,
А чистя путь ей понемножку

До самой миленькой землицы,
Цвели цветы чтоб, пели птицы,
И солнца печка чтоб пылала,
Ручьи бежали вдаль не вяло,

Была всего–всего активность,
Стремилась в рост растенья, живность,
Самим бы жить и дать потомство,
Чтоб с счастьем было всем знакомство,

Не знали б горя и невзгоды —
И так подряд всей жизни годы.
Был всех детишек ум затарен
Быстрее пробраться в стан проталин,

Собрать сухие там былинки
И жечь костёр – лети, искринки!
Дымки костров – ах! – восхищали,
И радость всех неслася в дали...

К нам во дворах рвались собаки,
Ребёнок друг ведь был им всякий,
Замест родного даже братца,
Хотели прыгать и лизаться!

И предвкушали наслажденье
В ватажках детских похождения
На речку, в лес и по оврагам,
И было то взаимным благом!
От тех костёриков, кто старше
Был из ребят, под взгляды наши,
Из стана, то бишь, малолеток,
Мол, то им слаще всех конфеток,

В момент «прикуривали» бойко
Былинки и «курили» стойко,
Хотя дым лез в глаза и в горло,
И если кашлять вдруг припёрло,

Старались взрослыми казаться

С былинок, курева–эрзаца...
Мы тож «курили» незаметно,
Казаться чтоб авторитетно,

Но кашля долгое мученье
Казало всем разоблаченье.
«Эх, вы, куряки–неумешки, —
Мы тотчас слышали усмешки

И даже смех ехидный, броский, —
Ещё сосать вам надо соски...».
Мы что–то вмиг им в оправданье...
Но колкость шла вся в затуханье,

Играть пускались коль все в «салки»,
Где все галдели, будто галки,
Когда опасно лезла кошка,
В гнездо их милое – лукошко.

Визг, писк и буйство всех азарта —
Подарок нам отрядный марта,
Проталин он давал площадки,
И были все они нам сладки...

А чтоб весна пришла быстрее,
Снег растопя, теплом согрея,
Пекли из теста нам всем птичек
Для убедительных закличек,

И мы, поднявши их высоко,
И устремивши в небо око,
Носились с искренним порывом,
Прийти весне быстрее – с призывом,

Чтоб возродилась жизнь цветасто
Всего и вся, зиме же – баста!
Отрядно кликать с возвышений,
И не унять у нас стремлений

На них нам тут же и взобраться,
И то милей нам было братца,
И мы, грачи как, с них галдели,
Наивно верили, что в деле

Серьёзном были, без оглядок,
И всем порыв был мил и сладок.
Вот тут в азарте мне взбрело же
Залезть на крыши даже ложе,

Она была соломой крыта.
Вот на неё чертей копыта
И вознесли, чтоб быть всех выше.
Приставил лестницу... На крыше!

На ней уж буду я заметней,
Чтоб взор весны на мне приветный
Остановился милый сразу,
По моему тогда заказу

Зима заплачет вон ручьями,
Природа вся уже делами
Займётся бодро, с вдохновеньем,
На труд свой глядя с умиленьем...

И я считал себя причастным,
Весны приход чтоб был прекрасным.
А потому, поднявши птичку,
Вовсю орал весне закличку:

Каникул дай весенних диво,
Гурьбой носиться чтоб ретиво,
Хоть и по слякотной землице,
От счастья чтоб светились лица, —

Так твоего мы ждём прихода,
Конца учебного с ним года,
Хоть и учился я не тяжко,
А стану скоро второклашкой.

Приди, приди, весна, скорее!
И долго б голос, с крыши рея,
Вдаль нёсся звонко по округе...
Как вдруг в таком я стал испуге,

Что дрожь взяла и стало жутко...
Была опасности побудка —
Так страх убил сознание круто,
Душа вся паникой обута...

Была она, как будто в аде...
Всё потому, что кто-то сзади
Меня толкнул вдруг, тонко бляя!..
И я невольно, чем смелее,

Вон обернулся машинально,
Чуть не упал вниз: натурально
Была там морда чёрта, бесья!
Оцепенел с того вон весь я:

Имел большие он рожищи,
Тарасил жёлтые глазищи,
Тряся своею бородою...
Я не владел самим собою,

Сознание напрочь вон поблекло...
«Ну вот, сейчас потащит в пекло
Терзать меня в жаровне ада...».
Душа ж моя в нём быть не рада...

Тут бес как нагло устремится
К моей руке, в которой птица,
Страсть съесть её в нём жарко пышит,
Толкнув меня, что я чуть с крыши

Не полетел, как камень точно,
На крыше ведь стоять непрочно...
Отгрыз чёрт птицы половинку,
И за другую без заминки

Полез, заблеявши козою...
Взор затемнён мой был слезою...
Но, стоп! Как бляенье знакомо!
Оцепененья спала кома,

Я пригляделся к чёрту: Роска!
Во всей красе смотрелась броско,
Маманя детушек–козляток.
Душа повылезла из пяток,

И обнял я её за шею,
Забыл вмиг страха эпопею,
Ей спинку гладила ручонка,
От счастья смех звучал мой звонко!

Ей отдал птицы часть вторую:
Вот как люблю тебя, родную!
Но как залезла ты на крышу?
Ответа нет, его не слышу...

И как снимать тебя отсюда?
Ой, упадёшь, и будет худо...
Спустился на землю обратно,
А тут... О радость! Как приятно:

Стоит и ждёт меня уж Роска!
А как смогла так – вот загвоздка!
А, может, происки то чёрта?

И радость вмиг на ключ запёрта.

Но откликается на имя,
Висит под брюхом грузно вымя,
А у чертей его ведь нету...
Как рад я ей, как мил–привету!

Конечно, Роска это, точно!
А потому помчался срочно
Я в дом за хлебушка краюшкой:
Изволь откусать, мол, подружка!

Она то сделала моментом,
Проблеяв сладостно при этом.
А, чтоб изведать правду–матку,
Пошёл узнать–таки загадку,

Каким волшебным вдруг парадом
Со мной на крыше стала рядом
Коза, ведь будь и в сильном раже,
Взлететь она ввысь не могла же?!

Да вдруг тому пришла разгадка,
Как взобралась на крышу гладко:
Там, у стены, до крыши самой
Вязанки хвороста мы с мамой

Горой сложили, чтоб поленья
В печи вошли в воспламененье.
Вязанки были, как ступени.
И взобралась по ним без лени.

Не тёмной силы наважденьем
На крыше Роски появленье.
Разгадка – сердцу умиленье,
Души поникшей возрожденье...

И лишний раз то подтвердило,
Что лезть наверх всем козам мило.
От чёрта, знать, происхожденье,
Вот лезть повсюду и стремленье.

Взберутся даже и на тучи —
Так козы лазать все могучи,
Лишь было б что–то под ногами.
Вот потому меж стариками

Они приличное уж время
В чертей зачислены все племя.

Весна услышала заклички
И по своей уже привычке

На снег теплом души дышала,
И он ручьями неустало
Сбегал с возвышенностей к речке...
И все стояли на крылечке,

Тепло и новь всю вдыхая,
И всех заботушка лихая,
Уж рукава вон засучивши,
Ждала, ведь дел – аж выше крыши.

Пока распутицы деянье —
Земли водою обмыванье
Ручьёв бурливых и холодных...
Мы от ученья дней свободных

Дождались, ей благодаря–то,
Но всё равно, как чертенята,
В своём, всегда как, были деле:
То на проталинах галдели,

Где из былинки жгли костришки,
То капитанские умишки,
Пустив кораблик, проявляли,
Чтоб плыл ручьём он в дали... В дали!

За вербой!

И долгожданные денёчки
К нам приходили, и цветочки
Уж вербе сшили одеянье,
Что было солнца в них сиянье,

Белы, светлы все и пушисты...
И мы, глазёнками лучисты,
Шли к речке, коя бушевала
От половодья, мча не вяло!

И все, как лёгкие созданья,
Вон проявив своё старанье,
На вербы лезли, рвали ветки,
Они дарили нам конфетки,

Когда мы взрослым их вручали,
И те, отбросив все печали,
Их к образам несли и к свечам,
Готовясь к дивным, светлым встречам,

И в их мы не были опале,
Они ведь в детстве все бывали,
Ворчали чуточку, конечно,
Мол, в половодье лезть беспечно

Нельзя на вербу, то опасно!..
И мы поддакивали: ясно!
И... упорхали на просторы,
Творя на них свои уморы...

А, впрочем, вербу рвать сноровка
Нужна в распутицу, чтоб ловко
Лезть по ветвям её, строптиво,
Река несётся ведь бурливо,

Заливши вербу вполовину,
Оплошность – канешь вмиг в стремнину!
Но были мы в плену азарта,
Сноровки, мужества он парта.

Срывались – случаи бывали...
И мчал таких поток вон в дали,
Пока за что-то уцепиться
Не удавалось, и земляца

Вновь твердь свою не представляла,
Всласть дух возрадуя немало!

Обливание водою!

Но обливания водою
Мы ждали, ждали всей гурьбою!
Но рукотворного. Из кружек
Друзей своих, своих подружек —

Из вёдер, мисок и баклажек,
И вид при этом был б не тяжек,
А лишь безудержно весёлым!
И по соседним был он сёлам.

То Понедельник после Пасхи
Даёт азарта чудо–сказки...
Конечно, верующим Пасха
Была душе воскресшей ласка,

Они религии каноны
Блюли и взоры на иконы,
Крестясь, стремили вожделенно,
Уверясь: жизнь отнюдь не тленна,

Хоть тяжки в ней порой мытарства.
Но будет, будет счастья царство!
А почему терпеть невзгоды
Они согласны даже годы?

Какая сила в этом воли
Наперекор превратной доле!
И нас, конечно, понуждали
Креститься, в райские чтоб дали

По Божьей милости попали,
У Бога не были б в опале.
И в ад попасть хоть было страшно,
Но взгляд невольно наш букашно

Исподтишка полз многоножно
Да всё на улицу, где можно
Любимым играм вновь предаться,
В другом где каждый видел братца,

Ведь у детей своя отрада,
И насладиться ей всласть надо!
А потому, коль можно было,
На волю мчались все премило,

Вон рай и ад вмиг забывая.
И уж ватага удалая
То там, то здесь порхала птичкой,
С идей взгорая буйной спичкой!

А вот пришёл и Понедельник
Да дел игривых не бездельник!
Всех ёмкостей – поверху! – запасы
Водой наполняя, все, как асы,

Вон из домов летели пробкой
И друг за дружкой торопкой
Несли поступью с водою,
Облить в момент чтоб с головою,

Нагнав невёрткого кого–то,
И вон того, и ту охота!
Да самому чтоб быть сухому.
Но в этом буйстве удалому

Сухим остаться, ой, не просто,
И будь приличного хоть роста.
Вода достанет до макушки,
Не из ведра хоть, но из кружки;

По телу хлынут вниз потоки,
От них напрасны прочь отскоки,
Ведь вокруг вода, вода сплошная...
Да не нужна нам страсть иная,

Ведь день такой нам дан недаром,
И мы все носимся в нём с жаром,
Кто друг за дружкой отдельно,
А то ватагою прицельно

Уже за группую другою...
И было то подобно бою,
Где жертвы все мокры до нитки,
Сухих же нет, хоть и попытки

Всё ж были юрко увернуться...
Но не смотрелись все мы куце,
Вода стекала с нас ручьями,
И мы толкли её ногами...

Велосипедные насосы
Водой нас жалили, как осы,
И хоть не так уж было больно,
Но выстрел их бил дальнобойно

И верно в цель, то есть прицельно,
Их примененье не бесцельно,
Кто их имел, тот, без сомненья,
Бывал хозяином сраженья.

Все были в обуви разбитой,
Ведь не могли в хорошей мы-то
Идти все в грязь на обливанье,
Да пресекли бы враз старанье

Такое взрослые с укором.
А потому в согласье скором
Мы обували, что похуже,
Ведь в ней сподручней лезть в все лужи,

Не будет ей в том век обиды,
Мытарств ведь видела все виды...
Но вот иссякли вод резервы...
Чуть буйства сдерживая нервы,

Мы расплзались по хатам,
Хотя не хочется ребятам,
И там, вздыхая сокрушённо,
Нас раздевают всех законно

И на печь гонят согреваться,
Тепло её – милее братца,
А сверху – тёплую овчину,
Прогреть чтоб ноги, грудь и спину,

Чтоб не задела хворь-простуда,
Она ведь скверная зануда.
И точно, за ночь пропотели,
И вновь всю здоровье в теле!

Недельку лишь взнудать терпенья,
Как будет вновь игры каленье.

«Красная горка»

Пришло наградой ожиданье —
Яиц азартное катанье
С пригорков стало нам отрадой,
Кто был искусен, – был с наградой:
Яиц имел он пополненье
И «Красной горкой» восхищенье!
Кто в мастерстве же не был пылок,
Чесал с досады свой затылок,

Реваншем больше загорался,
Желая быть в почёте аса.
Сначала мерились, чьи дальше
С пригорка скатятся все наши

Поразукрашенные яйца,
И те, не смели кто тягаться
В том с победителем, расстроясь,
Ему вмиг кланялись по пояс

И из запасов, хоть в печали,
Вмиг по яйцу ему вручали,
И он сиял с того, довольный,
Успех его что был сверхсольный!

Потом на меткость попаданья
Смещались наши все старанья:
Попасть в яйцо яйцом с пригорка.
Все, затаясь, смотрели зорко,

Умерив даже и дыханье —
Так волновало попаданье:
Одни боялись удачи,
Другие мыслили иначе.

Кто попадал, яйцо из кона
Тот брал подбитое законно,
Гордясь этим прибавленьем
И, видно, с явным наслажденьем...

Затем – чтоб так скатить яичко,
Была внизу с другим чтоб стычка,
И будет чьё при том разбито,
И чтоб то видела вся свита,

Его себе брал победитель

И клал за пазуху–обитель,
Светясь улыбкою лучисто,
Мол, победил законно, чисто!

И били яйца напоследок
О носик носиком, и редок
Кто не был в этом не побитый,
А потому, хоть и сердитый,

Но половину проигравший,
Согласно клятве в этом нашей,
Яйца разбитого без спора
Отдать счастливику и скоро

Обязан был и съесть моментом
Пред ним с улыбкою при этом.
И был такой средь нас счастливец,
Побил что множество яичек,

И так наелся половинок,
Как будто прибыл он с поминок,
Что не живот, а животище
Уж был, отвис с обильной пищи...

А мы считали все потери,
Ох, невезучие тетери...
Какая курица снесла–то
Ему яйцо, что все ребята

Терпели только поражение?!
К яйцу такому уваженье
И восхищенье всех нас было:
Вот это крепость! Ай да сила!

И вдруг из рук оно случайно
Его упало, чрезвычайно
Ему пребольно стукнув ноготь
Босой ноги... Но он: «Не трогать!

Яйцо не трогать!» – крикнул грозно,
Но всё впустую, было поздно:
Схватил его рукой уж кто–то!
Взглянуть на диво всем охота,

Потрогать крепость скорлупы–то...
И тут вдруг ложь была раскрыта:
Яйцо–то... каменное было!
Как все, раскрашенное мило,

Размером, формой – аналог
Куриным как, и вид не жалок,
Был отшлифован очень гладко.
Обман же выглядел прегадко,

Поколотить его хотели,
Смирить себя сумели еле
И дали тут же в наказание
Ему строжайше приказанье

Всем по яйцу вручить сию же,
Не то ему же будет хуже!
И он принёс их вмиг в кошёлке,
И все, отбросив речи–толки,

Её в момент опустошили...
Так подчинился правды силе
Обман презренный и нахальный.
Яйцо же – камень в угол дальний

Кустов заброшено под свисты,
И с дела доброго лучисты
Все лица стали и довольны,
И справедливости все войны

Потом вели всегда гурьбою,
И каждый с ней готов был к бою!
Но вот закончили учиться.
Ах, как сияли наши лица!

Теперь просторы будут наши,
Нам в том не надо сна и каши,
У детворы свои заботы,
Они в делах своих не жмоты,

А в них активность вся по полной
И в этом возрасте законной.
Учиться кончили успешно,
И жизнью летней жить не грешно.

Я второкласником стал важным,
Пред «мелюзгою» был вальяжным,
Чай, кое в чём уже учёный,
Авторитет, знать, был законный.

Класс старых дал друзей навалом,
И с ними был я в буйстве шалом!
Ходили в гости мы друг к дружке,
Но не назойливы, как мушки,

А как положено в том было,
И всем с того приятно, мило.

Грозная птица!

Мы звали всех, идя по кругу.
Вот как-то раз пришёл я к другу,
Воззвал, чтоб вышел, крикнув зычно,
Вошёл во двор, как к всем, привычно.

И вдруг опешил, замер в страхе,
Аж пот пробился на рубахе:
Шла преогромнейшая птица
Ко мне, и ярость в ней бурлит,
Всё ощетиня оперенье,
И агрессивное стремленье
Напасть пренагло не скрывая, —
Атака грозно-боевая!

Распущен веером хвостище,
Кровавый клюв желает пищи,
Страх навести – её усилъя,
Аж до земли спустила крылья,

Горит огнём, пылает шея,
А чтобы быть ещё страшнее,
Трясёт кровавейшим отростком,
Где клюв, врагу, мол, будет жёстко

И от когтей ножищ огромных!
Силёнок был пред ней я скромных
И одинакового роста,
Вмиг обомлел и замер просто,

Страшил и крик её надменный...
Ну был пред ней я будто пленный.
Вдруг подскочила птица резко
И так меня швырнула веско,

Что вмиг упал, забился в крике —
Так страх мой был в великом пике!
К тому ж, страшнейше клевала,
Мне причиняя боль немало...

Закрыл я голову руками...
Ах, как сейчас хотел я к маме!
На крик хозяев появленье
Явило чудное спасенье,

Они агрессора прогнали

Вон хворостиной сразу в дали!
А то была бы мне уж крышка,
Хоть я и сильный был мальчишка.

С такими впредь боялся встречи,
Тягаться с чудищами речи
И нет вовек уж: вес громадный,
И норы к драке страшно жадный!

«Эх, ты, – сказал мне друг, – глупышка!
Всего–то–навсего *пырьшика*,
А ты уж плакать...». К разговору,
Так быстро дал в калитку дёру

Он, ибо птица к нам движенье
Вдруг начала... За ним в мгновенье
И я шмыгнул со страха прытко!
Вмиг заперта была калитка,

Мы продолжительное время,
Бежа, несли испуга бремя...
Остепенили бег тогда лишь,
Когда вопроса к нам вдруг залежь

Не позалезла трезво в уши:
«Куда несётесь вы, как клуши?!».
«Мы это... как их... – друг нашёлся,
Не оплошать чтоб с их вопроса, —

Перегонки с ним учинили
И вот неслись, сродни кобыле!
Да вы наш спор назло прервали,
А то неслись сейчас бы в дали!

Не так ли, Славка? Подтверди–ка!».
И я с правдивостью всей пика
Мотнул в согласие головою...
И все, галдя, пошли гурьбою

Заняться милыми делами,
Ещё не зная, где и сами...
Мы перемиговались с другом,
Что подозрений едим мукам

Вмиг предоставили лукавство,
И было это счастья царство.
Потом из книжек я, конечно,
Узнал ту птицу и поспешно

Припомнил встречи с нею случай,
Что был душе моей не лучший.
Она индюшечьей породы.
Индюк то был. И через годы

Я вспоминал всё с содроганьем,
Как агнец чистый пред закланьем.
В селе «пырышками» их звали,
Средь птиц они, как чудо–кralи.

Но индюка щипки я помню,
Являл собой он злобы ровню.
А лето щедрость нам дарило,
Телам и душам было мило...

Прыжки через костры!

К концу готовились июня,
Запас не делал дров лишь клуня,
Чтоб на Ивана ночь Купала
Костры жечь, радуясь немало

Его приятностям старинным,
Ведь праздник числился былинным.
И вот настал он! Обливанья
Водой взбурлили всех старанья,

И не унять лихой в том жажды,
Да много раз, а не однажды,
Не разводили шуры–муры,
А были мокры все, как куры,

И потому костров пыланье
Нам, мокрым, было, что лобзанье
Родимых мамочек в несчастье,
Когда они дарили счастье.

Нам мало жечь костры любезно,
Мы веселились все помпезно!
Огонь был душам очищенье,
К их чистоте несли стремленье —

Так утверждали вечно предки.
А нам костры – для душ конфетки,
Вовсю веселие и диво;
Конечно, прыгали строптиво

Через костры с всего разбега,
Была в том удаль, риск и нега,
Кто выше прыгнет, – одобренье,
Ему почёт и восхищенье!

Просили храбрые дровишек
В костры подбросить чтоб излишек,
И коль взметнётся высоченно
Огня стена, над ней мгновенно

Враз пролететь отважно птицей,
А в жар и пыл пасть не годится.
И было в том соревнованье,
Героев было величанье

И апогей всех восхищенья,
Они пред всеми вне сравненья,
Авторитет и заводилы,
И уважение их силы.

«Ну что стоишь, тих, как зайчонок,
Аль трусишь, прыгнуть нет силёнок? —
Ко мне один из них с вопросом. —
В огонь боишься ткнуться носом? —

И смех прошёл, как шквал, волною —
Так все смеялись надо мною... —
Аль ты ввек с трусостью в обнимку?
Ну, подожги тогда былинку

И прыгай с страха, с буйной дрожью,
Мож, ощутишь в том силу Божью...».
«Да я... — была ответа тара, —
Я не боюсь огня и жара,

Сперва ведь прыгают большие,
Потом и мы вослед, другие...».
Пошёл, разбег начать чтоб скоро,
Избечь чтоб в трусости укора...

Огонь, огонь перед глазами!
И от обиды со слезами
Помчал на пламя машинально...
Все улюлюкали повально!

Но под ногой попалась палка,
И я споткнулся... И не валко
В костёр и сел, на чём сидим мы,
И еле выбрался, палимый,

Хоть потушить имел стремленье,
Штанов всё ж было опаленье...
Ох, попадёт же от маманьки!
Мне не избечь суровой баньки...

И не пошёл в свою я хату,
Пришёл к бабаньке, где заплату
Она мне сзади пристрочила,
И я смотрелся уж не хило,

И смог домой идти смелее,
Хоть не идти и всё ж милее...
Пришёл. Вопрос мне первым делом:
— Ты чуешь, пахнет, сын, горелым?

– От печки, мамка, то, наверно... —
И аккуратно и примерно
Прикрыл её плотней заслонку,
А сам быстрее, быстрее в сторонку

Штаны свернул, на печь взобрался,
А там уж был котёнок Вася,
И мы заснули с ним моментом...
Лишь новый день пришёл с рассветом,

Мои штаны, глядь, были в стирке,
И все заштопаны их дырки,
Парчины, ног всегда подружки,
Смотри-ка, были уж в утюжке,

И запах едкий в доме дыма
Ушёл куда-то напрочь мимо...
«Ну, не заметила заплату,
Не получу я, значит, плату,

Что вдрызг прожёт весь зад штанишек».
И счастья так вскипел излишек,
Что замурлыкал голосишко,
Ну, как весною соловьишко!

Деданька видел зад мой красный
И вид убитый и несчастный,
Аль зад на медь похож был цветом,
Иль потому, что рыж, при этом,

Но звать меня он стал вдруг «медный»,
Я ж улыбался, был не вредный,
Но дружелюбно и с улыбкой
От счастья плыл вокруг чудо-рыбкой...

А лето щедрое плодило,
И всем с того приятно, мило...
Природы дикой угощенья
Любили все мы, без сомненья,

И даже лук, что ели дикий,
Не вызывал в нас страха крики
Своею горечью ядрёной,
Зато ватагою влюблённой

Мы на красу вокруг смотрели,
И птички радовали трели...
Жевали клубеньки-картошку

Травы какой–то понемножку,
И не проглатывали в спешке,
Смакуя, горечь сыроежки...
Сласть ароматных сочных ягод
Не приносила ртам ввек тягот.

Гольцов ловили мы руками,
Несли, сварила чтобы, маме.
Ах, и вкусна из них ушица,
Сама аж ложка в рот стремится!

Я на опушке как–то встретил,
И лик с того мой стал вдруг светел,
Огромный белый колокольчик,
Его красу стерёг кусточек.

Как поражал цвет белизною!
Ах, красота! Само собою
К нему – сорвать! – тянулись руки,
Глаза пылали! Сердца стуки...

Вот принесу домой цветочек!
Вмиг посмотреть, хотя б разочек,
Село безудержно сбежится,
Все в восхищенье будут лица,

Хвалить начнут: какой счастливый!
И разговор пойдёт бурливый...
А он стоял на длинной ножке,
Жужжали пчёлки вкруг и мошки...

Какая стать! И как изящен!
Лишь на него глаз натаращен,
Благоговейный запах чуден...
И уж сорвать его был блуден,

Как вдруг неведомая сила
«А надо ль делать?» – спросила,
И впрямь, он миленький цветочек!
И белый, будто голубочек,

На фоне зелени травинок
Вдали дорог и всех тропинок.
Его волшебное здесь царство.
И чтоб пресечь души мытарства,

Я от него отдёрнул руку:
Нет, не создам красе я муку,

Цветёт пусть, вокруг благоухая,
Ведь и цветку жизнь дорогая.

И я пошёл своей дорогой.
Беречь красу был в клятве строгой.
Тут отвлекло моё вниманье
Между травы хвоста вилянье

Зелёной ящерицы, толсто
Она смотрелась, и я просто
Поймать хотел уж машинально,
Она же вдруг ко мне нахально

Как повернётся! И ротище
Да как разинет, что зверище,
Броски на пальцы совершая,
Не тронь, вот, мол, какая злая

Я, аж от самого рожденья!
Я испугался, сразу рвенье
Поймать её и вмиг пропало,
Да и была она – не мало! —

Аж на змею собой похожа,
А змей ловить совсем негоже.
И прочь меня помчали ноги!
Ведь страх, укушенным быть, строгий.

С тех пор я ящериц зелёных
За три версты аж ли законных
Вон обходил, боясь укуса
Её и вида, пусть не труса,

Но с осторожностью, на случай.
А серой вид, конечно, лучший,
Она в руках миролюбива,
Чуть–чуть доверчива, игрива,

Удрать бы прочь – её умишко
Твердит всё, жалко лишь хвостишка...
А потому за хвост не брали:
Вмиг хвост отвалится у крали.

И не кусалися ни разу.
К таким с любовью льнём мы сразу.
Так жизнь ребячья проходила
Всё лето, коим мило было...

И вот уж осень–чародейка,

Дождя с небес шурует лейка,
Ушла жара, пришла прохлада...
Опять идти нам в школу надо.

Учились в школе мы начальной,
Страды учебной нет печальной,
Ведь что-то новое мы зрели,
Одни быстрее, другие еле,

К речам учительницы льнули
И ворковали, будто «гули»...
А коль не выучим урока,
Идти к доске – удар, что тока,

И вмиг свернёмся, как ежонок,
И ждём подсказки со сторонки...
И хоть с того краснели ушки,
Но в головах одни игрушки...

Каким же быть всегда терпенью,
Привить чтоб тягу нам к ученью!
Мы заходили друг за дружкой,
За другом кто, кто за подружкой;

Когда шли в школу, шли мы стайкой,
И разговоры – балалайкой
Звучали, кур пугая встречных,
Минут и нету быстротечных.

И всё вокруг мы замечали,
И не на привязи-причале,
Не безразлично и уныло
К всему вокруг вниманье было,

Ватага нос всегда совала
Во всё и вся, дивясь немало...

Свадьба!

Вот в школу ходу жарче дать бы,
Да вдруг мы с другом звуки свадьбы
Да уловили чутким ухом
И, как на сладкое всем мухам,

Нам захотелось быть там мигом!
И любопытство крепким игом
И притянуло скоротечно.
А там веселие, конечно!
И в пляске топают все ножки
Под звуки яростной гармошки,
Под одобренье, силу свиста!
Поют задорно, голосисто...

Звенят гранёные стаканы,
Все пьют и пьют, никак не пьяны...
Что хмель всем душам, в том прожженным!
Взывают все к молодожёнам,

Что «Горько!», мол, а где же сласти?
Но «молодых» смотреть нам страсти
Ещё нельзя, глаза рукою
И поприкрыли. Но не скрою,

Всё ж подглядели через пальцы,
Целуют как друг дружку цацы...
И от стыда с того зардели,
Дыша, не видели чтоб, еле...

А осень – свадеб всех хозяйка.
Ведь урожай весь снят, давай–ка
Семей взращу я урожая
И напеку, как караваи.

Вот свадьба долго–долго длится,
Все дни в ней радостные лица!
И эта свадьба две недели
Не поуймёт своей метели!

А мы глядим замороженно,
Забыв про школу незаконно...
Вдруг боковое наше зренье —
О горе! – видит появленье

Преподавательницы нашей...

Ой, что же делать? Хоть бы чашей
Лицо нам скрыть! Пропали мы–то...
И тут увидели корыто,

Оно, для радости, пустое.
Вмиг под него подлезли двое,
Лежим под ним, притихли, ждавши,
Когда страданья канут наши,

Пройдёт учительница мимо,
К нам наказаньем не палима...
И вот прошла! Но мы всё ждали,
Пока её уж скроют дали...

И лишь потом из–под корыта
На свет повылезли. Забита
Лишь голова о том, чтоб раньше
Тела за парты бросить наши,

Придёт чем в школу, как обычно,
И «Дети, здравствуйте!» привычно
С звонком не скажет мило, звонко
Нам всем учительница. Гонка,

Чтоб сделать быстро так, в провале:
К звонку, конечно, опоздали...
И что–то мямля в оправданье,
Тем объяснили опозданье,

Что повстречались с быками,
Они с такими все рогами,
Что мы в кустах от них притихли,
Нам победить возможно их ли?

«Ну знать бы, милые, вам надо,
Что всё на пастбище уж стадо,
И куры – только на дороге» —
В ответ учительница. Ноги

И задрожали наши мелко:
Не удалась хитра проделка...
«А коли басенки вам любы,
А расскажите–ка, голубы,

Своими бодрыми словами,
А что понятно стало вами
Из басни дедушки Крылова,
Хоть от себя, не слово в слово,

Про Стрекозу и Муравьишку?».
Вопрос на лоб поставил шишку!
Ах, было задано ведь чтение...
Порвались памяти все звенья,

В делах забыли чтение вовсе,
Маячит «двойка» нам в вопросе...
И угадали, в самом деле.
«Ах, вы всё пели, пели, пели...

Теперь же с всей бравурной прыти
Вдвоём пред *двойкой* попляшите!» —
И вмиг в Журнале нам по «двойке»!
И мы расплакались, не стойки...

Потом шушукались: «Знать, нас-то
На свадьбе видела. Глазаста!»
Ну хорошо, не под конвоем
Вела домой селом нас строим,

А то бы было нам позора,
Людей презренья, разговора...
Пришлось ту басню досконально,
До слова, выучить. «Похвально! —

Был сказ учительницы строгой, —
Идёте верною дорогой».
Я помню басню ежедневно:
Впустую жить всегда напевно,

Но коль придёт конец сей сказки,
Придут печали сразу пляски.
А тут и снег с небесной выси
На землю пал и развалился...

Он детям милая отрада:
Быстрее снежком пультнуть бы надо!
Скатить с горушки с визгом, с криком
В порыве радости великом!

Построить крепость для отпора,
Снеговика возрастут – Умора! —
Мороз от всех стоит в сторонке,
Дрожит у радости он кромки:

И хоть детей приятны лица,
С веселья можно растопиться...

Колядованье!

Мы ждали все колядованья,
В приготовлении старанье
К нему являли свехусердые,
Успеха видя силу тверди.

И Дед Мороз почти недельку
Нам срока дал, чтоб мы кудельку
Для бороды, усов имели,
Чтоб дрожь с того была всех в теле,

Рога из веточек корявых,
И в наизнанку шубах драных,
С мешками, сумками в ручишках.
Азарт – чтоб выклянчить! – в детишках

В домов обходе повкуснее.
И драли глотки всё сильнее,
Чтоб отворялась сразу дверца,
Не смог хозяин отвертеться,
Не дав нам в рученьки подарки.
Но так мы были в рвенье жарки,
Что срок когда пришёл сей ночи,
Нам отказать у всех нет мочи,

Ведь мы такие были умки!
А потому мешки и сумки
Вмиг наполнялись. И карманы.
Ведь угощенья нам желанны!

Хозяев щедрость славя лихо,
Желая, не было чтоб лиха
Им в жизни, дому и скотине
Во всём грядущем, также ныне!

А испугались чтоб все резче,
В пустые тыквы ставим свечи,
В них рты, носы, глаза прорежем,
Вот вам и черти ада те же!

Тихонько встанем у окошка
И постучим в него немножко,
К нему прильнёт на стук вдруг кто-то...
Вот тут-то тыкву и охота

С горящим ртом, в огне глазами

Подсунуть вдруг ему, а сами,
Чтоб нас не видели, присядем...
А всё веселья вволю ради.

А в доме паника и вскрики,
Переполох с того великий,
Ведь все в фантазий круговерти,
Вот и решили, что то черти

К ним пялят наглые глазищи,
Ища тех съест, кто духом нищи...
А нам, лихим, того и надо,
За шутку славная награда

Нас ждёт. И точно, заскрипели —
Как хороши для сердца трели! —
Пред нами милые ворота,
Ведь нам гостинцев всем охота!

В избу летим мы всей ватагой
Со всей безудержной отвагой
И с Рождеством всех поздравляем
И любопытным глаза краем

Глядим на стол, где угощенья,
Их получить уж нет терпенья,
А займётся чтоб это диво,
Спешим хозяев торопливо

Всех расхвалить, аж до макушки,
Пропев хвалебные частушки,
Добра желая им и дому,
Аж до небес, и тем истому

В их душах сладко вызывая...
И вот награда дорогая
Идёт в мешки, карманы, сумки!
Не взять, конечно, нет в нас думки

Лепёшки, пышки и ватрушки,
Вмиг у стола мы все, как мушки...
Ах, пироги вкусны с начинкой —
С яйцом и луком, и с малинкой,

И всяко–всякие котлетки!
Но меру знать пора уж, детки,
А то к другим не попадёте,
Там тоже вкусное у тётки...

И мы, забыв сказать «спасибо»,
Вон ускользаем, будто рыба,
К окну уж льнём соседней хаты,
Опять чертовски плутоваты!

И всё сначала повторится,
Пока кой-где спросонья лица
Не заворчат на нас сердито,
Что всё, мол, съедено, испито,

Что Бог подаст, его просите...
Да в нас уж прежней нету прыти,
Ведь появилась примета
С востока бледного рассвета...

Пора кончать веселья шкоду,
К своим домам давать уж ходу.
И мы расходимся, уставши,
Неся подарки сладко наши...

Конечно, старшие ребята
Всего добыли многовато,
Они ведь знали все колядки
И кланчить были очень падки.

А мы, поменьше, к ним – хвостишки,
Им пироги, конфетки, пышки,
А нас за ними и не видно,
Но, скажем прямо, не обидно,

Увлечены мы лишь процессом
Весёлым быть, шкодливый бесом,
И мы в том были с увлеченьем
И наполнялися ученьем.

Как в школе, где ей половина.
И вдруг такая вот картина:
Пакует мамка чемоданы,
Мол, едем, сын, в другие страны

На постоянное жилище,
Учиться будешь там, дружище.
Завербовалась, мол, на стройку,
Даст общежитие нам койку,

Пойдёт за труд всегда зарплата,
И заживём не бедновато.
Зовётся место то Москвою,
И от тебя теперь не скрою,

Там МГУ я строить буду,
Студенты где ума полуду
Вон сотворят себе отменно
И в люди выйдут непременно,

Всегда неся стране лишь пользу,
Чтоб горделивую ввек позу
Её мир видел ежечасно,
Чтоб было в ней лишь всё прекрасно.

Ах, высоченное то зданье!
И в нём обширнейшие знания
Получат все, коль в том стремятся,
Ума в нём видя чудо–братца.

Ура! Вождя увижу скоро!
Он величайший, нету спора,
Сидит на троне гордо, строго,
А вокруг народов много–много,

И ростом он до самой тучи,
И силой мускулов могучий,
В боях с врагом непобедимый,
И всем народом страсть любимый.

Таким он долго представлялся
Вплоть до какого–то мне класса,
Пока на площади, на Красной,
На демонстрации прекрасной

Вдруг не увидел настоящим,
С другою группою стоящим,
На превеликом Мавзолее,
Что нет трудящимся милее

Вовек. Ура! И всех порывы
Его увидеть страсть бурливы!
Растил страну, держал порядок,
Знал внешний враг и свой прегадок,

Не даст что Родину в обиду,
Давил врагов, как будто гниду,
Ввысь поднимал страны хозяйство
И в коммунизма вёл всех царство.

И вот известье о вербовке...
Пришло тут время быть сноровке,
А как меня ей взять с собою,

Ведь надлежало ей одною

Прибыть в Москву, по Договору?
И мысль, что с плеч сняла вдруг гору,
И появилась, как спасенье:
Я в чемодане заточенье

Всегда, везде, где это надо,
И проведу, хоть не услада
Мне будет в этакой темнице,
Когда контроля будут лица.

А как пройдут, я вновь на воле
Вмиг окажусь, не труся боле.
Вот так доехал до столицы.
О том рассказ одной девицы,

Что с нами ехала попутно,
И был потом, наверно, блудно,
Ведь о таком не помню сроду,
Наверно, лжи лила всё воду,

Чтоб посмеяться надо мною.
А я её зато «Козою»
Назвал за смех, что был, как козий,
Да эстетический, не в прозе,

Как показалось, натуральным,
Пред ней не став за то опальным.
Мы были добрые соседи,
Не руша годы дружбы тверди.

Она ведь тоже по вербовке,
Была жива, лихой сноровки,
Как и другие все девчата,
Кем общежитие богато,

Что в городках премногих было
Вокруг великой стройки пыла.
Учился в школе я начальной,
От городков считалась дальней,

Была не каменной, не важной,
Но скромной вся, одноэтажной,
Вся в деревянном одеянье.
В ней получал теперь я знанья.

Её был номер, помню, «пятый»,
Вкруг сад был, пышностью богатый,

А место, где была, – Ленгоры
И их крутые косогоры.

Я при любой ходил погоде
И не ворчал на это, вроде.
Здесь все вперёд ушли в ученье,
Догнать их было мне мученье,

Но кое–как всё ж подтянулся,
Щипал науку хваткой гуся.

«У дороги Чибис...»

У нас уроки были пенья,
Но в этой грамоте был пень я.
Хоть от натуги напрочь тресни,
Я ни одной не ведал песни,

Когда мотив являла скрипка,
Я тщился петь, но страшно хлипка...
Зато отменно было в хоре,
Меня не трогало в нём горе:

Лишь разевал я рот пошире,
Солист как будто первый в мире,
Но лишь для вида, безголосо,
И не бросал тут взгляд свой косо

Уж на меня учитель строгий.
И так урок свершал я многих.
Не быть, знать, Лемешевым сроду,
Не дать ввек пенья блажь народу.

Скользил смычок по струнам скрипки,
Сиял учитель от улыбки,
Взывая к песне приобщиться,
Мол, песнь услада! Как горчица,

Мне было это же занятие,
Нет, все «фасоли» мне не братья.
С трудом про Чибиса брал нотки,
Все у меня они сиротки,

Я птицу знал, кричит плаксиво...
А ноты нет. Но не тоскливо
Мне, музыкантишку, то было,
Ведь на другое много пыла!

Зато на сладкой перемене
Я не даю порывам лени,
Играю в «Козлика» азартно,
Ах, прыгать в нём как мне приятно!

Игра в «Козлика»

Зовётся также «Чехордою».
Вот соберёмся мы гурьбою,
Произведём с умом считалку.
Водящий есть! И все в скакалку

Играть начнут поочередно.
Вот разбегаемся свободно...
Стоит, пригнувшись, водящий,
Через него прыжок парящий

Свой совершить обязан каждый,
Лишь перепрыгнуть только с жадой!
А коли нет, столкнёт неловко,
Знать, силой слаб, хила сноровка,

Так сам водящим встанет, скрючась.
И всех ждала такая участь.
А пролетевший над водящим,
Обязан быть и сам стоящим,

И прыгну очередному
Уж надо быть всю лихому,
Чтоб пролететь поочередно
Над ними ловко и свободно!

Коль пролетал, вставал уж третьим.
А по секрету тут заметим,
Троих осилить – уж задача,
Ждала немногих в том удача,

Тогда они вставали сами,
А кто стоял, под парусами
Неслись, чтоб прыгать снова, снова,
Что, мол, получится бедово.

И все глядимся, как козлята,
И страстью в том душа объята.
Потом отдышка пол-урока,
И от него нам нет уж прока...

Но вот занятий всех кончина!
Спешим домой гурьбой не чинно...
Берём пример мы сразу с дядей,
И вот троллейбуса вмиг сзади

Мы уж цепляемся руками,
Мол, в этом деле мы с усами!
Имеем твёрдую сноровку,
И проезжаем остановку,

Пока не выскочит водитель
И как безжалостный воитель
Вмиг не набросится на нас—то...
Нам ждать его? Ну нет уж, баста!

В кусты Ленгор летим стрелою,
Чтоб те прикрыли нас собою!
Но лишь троллейбус вдаль помчится,
Мы вылетаем все, как птицы,

И вмиг цепляемся к другому,
Добраться лихо чтобы к дому!
Опять потом всё повторится,
И тут водительша, как львица,

На нас набросится вмиг с рыком!
И все мы в ужасе великом
До дома мчимся напрямую,
Преодолев дугу кривую...

Ура! Салют!

Салют мы стайкой на Ленгоры
Смотреть ходили, где просторы
Пред нами были необъятны,
Москву всю видеть как приятно!

Она само заморозенье,
Невольно взор к ней мчал стремленье!
И улыбались мы отрадно:
Она смотрелась парадно!

Стояли пушки в ряд все строго,
Ещё устройств каких-то много —
Из них летели все заряды,
Ввысь фейерверк неся! И рады

Его мы были разноцветью,
И от души, а не под плетью,
«Ура!» кричали громко, дружно,
Ведь так при этом всем и нужно.

Такое было вдохновенье
И душ к чудесному стремленье,
И долго-долго щебетали,
Идя домой средь тёмной хмари...

И лишь нам завтрашний денёчек
Конец учёбы дал звоночек,
Как мы бежали на Ленгоры
И там, ищейки будто скоры,

Искали целые заряды,
Не разорвались что, и рады,
Что находились всё ж такие,
И были вскрыть их вмиг лихие,
Чтоб содержимое моментом
Поджечь бы спичками, при этом.
И всё горело разноцветьем...
Ах, как приятно это детям!

Про безопасность нет и мысли,
Вон из неё нас всех отчисли,
Зато шум-гам стоял, веселье,
Отрады в душах новоселье...

В новую школу!

Учился я, учился в школе,
И вдруг не стал учиться боле
Я в ней, мне милой и начальной.
Но уходил я не печальный:

Переводился в школу рядом,
Сверлил её счастливым взглядом
И шёл в неё с большой охотой,
Ведь перешёл я в класс четвёртый,

Таких же в прежней вовсе нету.
Теперь душой влюблён был в эту,
Она была многоэтажна,
Из кирпича, стояла важно!

«22-ой» был номер этой,
Такой разилася приметой,
Как обучением раздельным,
Ну так сказать, своим, удельным

Мальчишек всех от всех девчонок,
Но шум от всех был в школе звонок!
На этажах они различных
Учились в классах, им привычных.

Вот здесь был принят в пионеры,
Казать отличные примеры
В ученье чтоб и в поведенье,
Ведь пионер – всем загляденье.

Но ум по возрасту ведь вложен,
Мотив поступков, значит, сложен.
За на уроках разговоры
В мой адрес сыпались укоры,

За шутки вмиг, без промедленья,
Я получал предупрежденья,
Ведь класс смешили эти шутки,
И гвалт стоял не две минутки...

И вот, подобная уколу,
Вдруг в дневнике «Явиться в школу...»
И появилась запись жирно,
Чтоб вёл себя спокойно, смирно.

Заволновалась чрезвычайно
Маманька, в школу тут же тайно
Вон от меня пришла и встала,
Чтоб не заметил, хоть и мало,

За дверью, слушать чтобы, классной.
К доске был вызов не напрасный
Меня, и было повеленье
Мне рассказать стихотворенье,

Как ходит грач с своей грачихой...
Я знал его и начал лихо,
А для наглядности вширь руки
Вон растопырил, гаркнул звуки,

Как крик грача, и вперевалку.
Не как сороки – те в скакалку! —
Пошёл преважно, мол, по грядке...
И тут взорвались все ребятки

Вдруг смехом сразу неуёмным!
И так во времени огромном...
Слова утихнуть – все напрасны,
В неподчинении ужасны...

«Ну вот, вы видите, сыночек
И рассмешил ещё разочек» —
Сказала классная кому-то
В сердцах за дверью очень круто.

Об этом я узнал лишь дома,
И благоденствия истома
Слетела, будто штукатурка,
И вмиг покрылась краской шкурка...

«Ты что, быть хочешь без ученья?
Знай, без него одно мученье.
Ты погляди-ка на меня-то,
Я от труда почти горбата,

Ведь на работе я тяжёлой,
Нет, не привечена я школой,
А потому что без ученья
Осталась в жизни, в том мученье.

Я в школу шла, но чьи-то ноги
Меня догнали в полдороги,
И руки взяли вмиг за ворот,
Что был по шву он чуть не вспорот,

И потащили вон обратно:
*Тебе учиться, ах, приятно?
А кто сестёр и братьев кучу
На жизни высь затащит кручу?*

*С отцом мы заняты хозяйством,
Чтоб рады были все вы яствам.
Твоя, как старшей, знай, работа —
О братьях, сёстрах всё забота...*

Так и неграмотной осталась,
А это в жизни лишь отсталость.
Вот и тружусь разнорабочей,
Удел мой – тяжести ворочай.

Ты так не будешь вскоре в школе.
И безобразничать доколе
Всё будешь? Кайся на меня–то:
Читаю слово трудновато,

И то по букве, заморочка,
Ведь не училась и денёчка,
Хотя и было страсть охота.
Тебе учёба – лишь забота,

А без неё ты только вором
Лишь будешь в времени прескором,
Во всём никчемным человеком,
И оправдаться в том на некоем...».

То ли сознательным стал мигом,
Иль побоялся быть под игом
Крутой маманькиной лупцовки,
Но дисциплинной стал поковки,

Не получал уж нареканий,
Как в век мой милый, вольный, ранний,
К тому же, был я пионером,
А значит, должен быть примером.

Другие, нет да нет, влипали
Вдруг в переделки и в опале
Вмиг становились у классной,
И мерой строгой и опасной

Была изъятием портфелей,
Без оправданья нудных трелей
Пришли родители чтоб в школу,

Чтоб оказаться перемолу

Злу до мельчайших самых фракций,
Лишь после этих строгих акций
Портфели вновь вручались в руки.
Но чтобы минут страшной муки,

Избечь родительской вон взбучки,
Из класса будет как в отлучке
Учитель классный, сильно строгий,
Портфелю вмиг «давали ноги»,

В окно швыряли жертве скорбной,
И так сей метод был удобный,
Что не боялись уж изъятья,
Друг дружке в этом были братья.

Портфель поймавший, после вместе
Домой со всеми шёл и жести
Не знал родительской напасти
И оттого был в полном счастье.

...Вся территория разрыта
Вкруг МГУ была, и мы–то
Ходили в школу и обратно
По глине вязкой, неприятно,

Когда в ней вязнешь по колено,
Ввек шли гуськом и непременно
Друг дружке мигом помогали,
Чтоб не был кто–то вдруг в печали.

Коль сапоги застряли в глине,
Впадала жертва враз в унынье...
Её вытягивали скопом.
Шли вновь по чуть заметным тропам

С трудом, хоть еле, в дали, в дали...
А сапоги уж заменяли
На обувь школьную мы в школе,
И в ней носились там уж вволю!

Укус овчарки...

Из школы шёл я как-то... Марко
Вкруг было всё... Смотрю, овчарка
К трубе привязана огромной,
И так печально, в позе скромной,

Сидит и смотрит на округу...
Я вмиг к ней ринулся, как к другу,
Погладить чтоб, её уластя,
В моей то было это власти.

Я раз погладил... А другой же,
Видать, не стал ей мил, негожий.
Она в момент вцепилась в руку
Клыками страшными и муку

Вмиг создала мне, боль и вскрики!
Так потрясения велики,
Что я свалился вмиг в траншею,
Чуть не сломав при этом шею...

И то спасло от растерзанья.
На миг пропало и сознание...
Придя в себя, вмиг первым делом,
А в этом деле был не смелым,

Я про уколы вспомнил сразу,
Что будут делать от заразы,
А по количеству их сорок,
А зад, конечно, был мне дорог,

Не указал врачам причину,
Не показал им всю картину
Грызни собакой. Но укольчик
Всё ж засадили, где был копчик,
Промыли, раны мазью смазав,
И надавали мне наказов,
Чтоб приходил опять три дня я,
Чтоб дать заразе нагоняя.

С тех пор собак всех сторонюся,
Чтоб избежать опять укуса.
...На стройке жуть организаций,
Её ведь много операций.

И заключённые есть даже,

Мы их боялись, будто сажи,
Хотя, как все, они по виду,
Не причиняли нам обиду,

Как все, трудились на стройке,
И труд входил в неволи сроки.
Полно военных так же было,
На них смотрели мы все мило,

Они ходили бодро с песней,
Их строя не было чудесней,
И мы, к ним завистью палимы,
Маршировали тож за ними!

И были тем они любезны,
И нашим душам, ах, полезны,
Что им кино «крутили» часто.
Вот на него влекло всех нас-то.

Нашли мы дырку в их заборе,
И к ним наладились вскоре
Вмиг проникать, кино зреть чтобы,
Пройдохи в том мы высшей пробы!

Экран на воздухе открытом
Там был, к щиту гвоздём прибитым.
Солдаты видели, конечно,
Набег наш, звали нас сердечно,

Руками дружески махая,
И стая наша удалая
В момент сидит среди них с опаской,
Но наделённые их лаской,

Сидим, не так уж с страха кротки,
К тому ж, на головы пилотки
Наденут нам для маскировки, —
Они прекрасны в сей сноровке!

Вмиг затерялись среди сидящих,
И офицеров, нам грозящих,
Убраться вон, уж нет приказа,
Мол, что такая здесь зараза?

Кино смотреть, ах, как приятно!
Но вот конец, и всем обратно...
Пилотки быстро возвращаем
И между ног, да краем, краем,

И улепётываем тайно,
Довольны тайной чрезвычайно,
Доскою дырку прикрывая,
Тропа и скрыта удалая...

И дни, часы ждём и минутки
Кино опять в войсках прокрутки.
О том доложит вмиг разведка,
Ведь ошибаемся мы редко.

Но это лишь до снега было,
Зимой такого нет уж пыла,
Зимой с кино мы шуры–муры
Водили в Доме уж культуры.

Кружков в нём было очень много,
Аж начинаючи с порога.
Средь прочих был и музыкальный,
И я в него решил, нахальный,

О нём узнавши, записаться.
А там сидел такая цаца,
Не одарил он инструментом,
Начать играть чтоб, а моментом

Вдруг постучал об стол рукою,
Мол, повтори–ка, друг, за мною,
Такие точно же все звуки.
Ну, для меня, конечно, муки...

Я не попад ему прогрохал.
«Нет–нет! – сказал он, – всё–то плохо,
В тебе для музыки нет слуха —
Был сказ его, как оплеуха, —

Ты не годишься в музыканты,
Ведь в ней нужны, поверь, таланты.
С той стороны ты дверь закрой–ка,
За испытанье только *двойка*».

И музыкантом в мире меньше.
Домой пошёл, печалясь, пеше...
Но наперёд уж забегая,
Скажу, судьба была иная,

Во мне ведь музыки есть гены:
В оркестре я в ДК со сцены
Всё ж выступал пред залом полным,
Аплодисментов слышал волны,

И «Молодцы!» кричал там кто-то.
И вновь играть, играть охота
С оркестром мне на мандолине,
Чей нежный звук я и поныне

В душе и слухом ощущаю...
Нет, я от музыки не с краю!
Когда ж из школы шли зимою
Домой, то радостной гурьбою

Неслись сначала на Ленгоры
И там в катанье были скоры,
Кто на ногах, кто на портфелях,
И все не числились в тетерях,

А лихо вниз с горы летели —
Такой задор в душе и теле!
Опять взбирались на вершину
И вновь летели вниз, картину

Собой являя наслажденья!
И повторенья, повторенья...
А темнота коль подбиралась,
Уж шли домой... Какая жалость!

Ну, дома нам вопрос вдруг грозно:
«Почто пришли домой так поздно?».
Но мы от страха, нет, не хмуры:
«Урок был, это... физкультуры!».

И всё нам с рук в момент сходило,
И нашим душам было мило...
Когда дорогою привычной
Ходили в школу, то кирпичный

Завод мы сбоку миновали,
Там уголь был, в его навале
Мячи лежали небольшие,
И мы, умом всегда лихие,

Их вмиг совали по карманам,
Осуществиться чтобы планам
В хоккее сыграть, домой пришедши.
Ах, как носились сумасшедше!

Ведь в суматохе буйной, скорой,
Клубком носясь собачьей сворой...
Хоккей всегда был только пеший,

Но каждый в нём, как чёрт был леший!

И далеко летели крики...
Ах, наш хоккей! Азарт великий!
Всем жарко было, были в мыле...
И все из проволоки были,

Все до одной, ребячья клюшки.
Носились по снегу, как мушки,
Вдруг привлечённые сладостями,
Гордясь безудержно голами,

Ища быстрее оправданье,
Что нет в ворота попаданья.
Льда нет у нас нигде заливки,
А потому дороги–сливки

Как были нам в лихой игре–то,
К тому ж, как радость нам привета,
Машины было появленье,
И к ней вдруг было всех стремленье,

Чтоб прицепиться клюшкой сзади,
А всё азарта только ради,
И на ногах скользить за нею,
Азарта славя эпопею!

Мы, правда, делали конёчки,
Нашедши нужные брусочки,
К ногам верёвкой прикрепляли
И по дорогам мчались в дали!

Но ум имел наш думать свойство,
И мы придумали устройства,
Согнув из труб, пруты железных,
А их полно вокруг, бесполезных,

«Дрындулеты»

На них кататься чтобы было
Нам, стоя, сидя ль, с горок мило!
Концы устройств – полозья, ими
Рулили, в спусках быв лихими,

И за устройств держася дужки,
Стремглав свершая покатушки!
Устройств название – «дрындулеты»,
Так хороши, что пой куплеты!

Нам души грели средь морозов,
О них был лучший в зимы отзыв.
Они длины, при том, приличной,
Хранить их негде и обычно

Мы их в оврагах оставляли
И в опасения запале,
Нет, не бывали, мига даже,
Что будут их когда-то кражи,

То каждый знал, что бесполезно:
Всяк «дрындулет» свой знал «железно».
Зимой не часто, иль ни разу,
И то нам к счастью, нету сказу,

Не убирался снег от тыла
Бараков всех, и то нам было,
Конечно, радости с головкой,
И здесь в игре мы были ловкой.

Прыжок с крыши

Там были лестницы в приставку.
В их назначенье мы поправку
Внесли, конечно же, мгновенно:
С них прыгать надо непременно

В снег, здесь не убранный, сугробный!
Не с высоты прыжок свой пробный
Сперва, конечно, совершали,
Не быть чтоб в критики опале,

Что прыгать трусим сразу сверху,
Что вниз спускаемся, – быть смеху...
Потом уж смело и без лени
Мы брали верхние ступени,

И пред прыжком был каждый чинный,
И гвалт, при том, стоял грачиный!
Но как верёвочка не вейся...
Так крах грядёт делам повеса.

И мы вспугнулись расплатой
В лице то дворника с лопатой.
Он закричал, взмахнувши ею,
Порушив нашу вмиг затею.

И вмиг с того нам стало туго,
И разбежались все с испуга...
Я ж был на лестнице высоко,
И чует ум, и видит око,

Что, если прыгну, буду в лапах,
Ведь уж опасностей знал запах.
А потому повыше лезу
Я да по лестницы железу

В надежде, что отстанет дворник,
Уйдёт, не буду я затворник,
Спущусь без страха по ступеням,
Уйду домой со свистом, пеньем.

Да всё не так, не тут–то было,
Он не унял агрессив пыла,
А лезет лестницей за мною
И тянет руку за ногою...

А я спешу всё выше, выше!
Была приставлена же к крыше
Та лестница, и я моментом
На ней был, думая, при этом,

Отстанет дворник, что уйдёт он —
В том был уверен, глаз намётан.
На крышу лезет он, пыхтевши,
Мне показалось, как леший...

И жизнь спасти чтоб дорогую,
На крыши сторону другую
Переместился по-пластунски.
Но вновь просвет меж нами узкий...

Назад, конечно, нету хода,
Как в океане, нету брода.
Меня трепещет страха буря,
И тут в момент, глаза зажмуря,

Я вниз сигаю с крыши края,
Шепчу: «О мама дорогая!»
Но был полёт в пылу короток.
А дворник не был в гневе кроток,

Всё наводил порядок строгий...
Тут с тротуаром встречу ноги
И провели, отбивши пятки...
Но я вскочил и без оглядки

Помчался прочь единым махом,
Вперёд гонимый резво страхом!
«Беги, беги, вперёд, дружище!
Всё с крыши машет кулачище...».

Так совершил прыжок невольный
Не в снег, где был бы, страсть, довольный,
А на расчищенное место.
А дворник всё! Он, вредный бес-то...

И долго дом тот стороною
Я обходил уже зимою,
Боясь в милиции застенки
Попасть, где, видимо, не пенки,

Раз заключённых под конвоем
Ведёт охрана строгим строем,
И им свободного нет вдоха...
Я не хочу! Там будет плохо.

Лишь хорошо, что там учиться
Не надо будет. Будто птица,
Я без учёбы запою там,
Довольный лодырства уютом.

Вот как взбираться—то на крышу:
Тюрьмы схлопочешь сразу нишу.
А жили все в бараках длинных
Да сплошь в историях былинных.

Кроватей в комнатах навалом,
Но при проходе очень малом.
Все жили тётеньки отдельно,
И дяди тоже все удельно.

А потому и вывод веский:
Здесь дом мужской, а рядом женский.
Вот в нашей комнате лишь тёти,
Все днём ли, ночью на работе:

Сей стройке нет всегда простоя —
В том было правило простое.
Лишь я у мамы был сыночек,
А у другой же – дурачочек:

Он мне язык казал без дела.
И то меня так вдруг задело,
Что я назвал его глупышкой
Да плюс пигмеем—коротышкой.

Вот как—то вечером претёмным
Уж я лежал в кровати томным,
В сна превеликом предвкушеньи...
Тут входит это вдруг явленье,

Весь—весь по—зимнему одетый,
И вновь желаньем подогретый —
Казать язык свой мне с порога...
Не стал терпеть его я много,

Вновь повторил слова презренья.
Он подскочил в одно мгновенье
И укусил мне больно руку,
Чем причинил страданья муку...

Я вмиг слетел с кровати пробкой,
Побить! Побить чтоб! Он торопкой
Бежал стремительностью к двери,

Вон заручившись в полной мере,

Что не помчуся я на холод.
Но я в решенье твёрд, как молот!
И босиком, в трусах и в майке
С огромной бурей гнева в спайке

За ним по улице помчался
И бегал так, аж больше часа,
Пока не скрылся в тьме он где-то...
Вот тут мороза мощь привета

Я и заметил дрожью сильной,
Мороз же бил и бил дубиной...
Ах, как же молодость беспечна!
Я заболел и слёг, конечно,

Ведь было лёгких воспаленье,
Температуры грозной жженье,
И кашель мучал беспрестанно,
И смерти был я уж желанный...

А потому попал в больницу,
Леченья добрую светлицу.
Терял я часто там сознание,
И смерть взвивала всё старание,

Набить чтоб жертвой снова зобик,
Меня загнать быстрее в гробик...
Врачи же сделали всё ж чудо,
И жизни вновь была полуда.

Я оклемал. И мир прекрасный
Увидел вновь в денёчек ясный!
Полно ребят в палате было.
Врачи, медсёстры нам премило

Давали чудные лекарства,
А на еду – вкусняшки–яства.
И оттого мы скоротечно
В забавах были уж сердечно:

То, коли не было «сеструшки»,
Пускали в ход свои подушки,
Швыряя с силою друг в друга,
Пера клубилась, аж ли выюга...

А то, пуская в ход ладошки,
В «футбол» играли на окошке,

Скомкавши «мячик» из бумаги,
Все «футболисты», все в отваге,

Забить голы быстрее охота
В чужие радостно ворота!
А кто «Атас!» вдруг крикнет тихо,
Все по кроватям юркнул лихо,

Дыша от бега часто—часто:
«Всё хорошо и блажь у нас—то...».
Сестра нам градусники рано
Под мышки ставила, прерано,

Когда нас сон держал уздою,
Глаза объаты пеленою,
И мы не ведали, в чём дело,
И вялым—вялым было тело...

Потом его брала обратно,
Температуру знать, понятно.
Бывали случаи такие,
Ведь в снах крутиться мы лихие,

Что вдруг да градусник под мышкой
Вон исчезал, как в норку мышка.
Вот тут—то поиски начнутся,
Больной что смотрится, ох, куце

Под медсестры укор—ворчанье,
Со страхом чуя наказанье...
Был и со мной такой же случай,
Он грозовой насел вдруг тучей:

Опять мой градусник в постели
Вдруг затерялся, мы пытели,
И медсестра была не киса...
И вдруг он выскользнул. Разбился...

«Пока не купишь ты мне новый, —
Был медсестры укор суровый, —
Тебя не выпищу вовеки
Вон из больницы, тюня экий!».

Я испугался, будто мышка
Пред кошкой злою. «Вот и крышка
Мне бессердечная настала...».
Мне не хотелось, ведь немало

Лежу в больнице я, безвинный —

Второй уж месяц с половиной...
А я хочу уже на волю!
Держать коль будут, соизволю

Бежать тайком я из больницы,
И рухнут клетки сей темницы!
И вот день выписки счастливый!
Но медсестры взгляд незлобивый:

«Добро пожаловать по новой,
Коль будешь снова нездоровый».
«Нет! – я ответил, – не охота,
Вдруг разобью опять чего-то...».

Мне чуб погладила премило...
Тем страха груз с меня свалила.
Я, крепыша явив мальчишку,
Помчался к выходу вприпрыжку!

Попал в объятия там мамульки,
Мы ворковали, будто гульки...
Отстал в учёбе я прилично,
И редко «хор.» имел, «отлично».

Да помощь в этом кто и даст-то?
Вот усвоенье и зубасто,
Ведь мамка школу не кончала:
Вернули вдруг с пути начала...

И подпись ставила коряво —
То ввек неграмотности право.
Решала: чисто коль в тетрадке,
С учёбой, значит, всё в порядке,

А всё там правильно иль нету,
Известно белому лишь свету,
Чем я и пользовался ловко.
Ай, да умна моя головка!

Но не был сроду второгодком,
И в старший класс вступал не кротким,
А потому на отдых летом
Я шёл с весёленьким куплетом!

Авоська... соли

Но дрыхли только ли в больнице,
Не раскрывая с сна глазницы, —
Так пеленал нас сон надёжно,
Будить что было безнадёжно,

Тряси, кантуй хоть по кровати?
Ах, как не хочется вставати...
Со мной так тоже было дома,
Ведь утром сна гнетёт истома...

Маманька часто уходила
Работать рано, дел мне мило,
Чуть растолкав, накажет много,
Чтоб я исполнил всё—то строго.

Ну, я мычу, мол, всё понятно...
Она уйдёт, я – в сон обратно,
Проснусь, чешу себе затылок,
Всё вспомнить, к горюшку, не пылок...

Чтоб не попало на «орешки»,
Мечусь в ума великой спешке
То то припомнить, а то это:
Не ждать чтоб строгих глаз привета...

Вот так в одно и было лето,
Опять раненько—рано где—то:
Продуктов купишь в магазине
Таких, таких—то, мол. Разиней

Не будь, возьми обратно сдачу,
Взбодря ума при этом клячу,
Ведь перешёл ты в класс уж новый,
В подсчётах должен быть бедовый.
«Да, да...» – поддакивал во сне я...
А встав, и вспомнить уж не смея,
Всего купить, что будет надо,
Решил, что будет мне награда,

Уж «соль» —то я запомнил твёрдо,
И в магазин пошёл с тем гордо.
Там удивилась продавщица
И так же многие с ней лица:

– Зачем так много соли, мальчик?

– В засолку, знать, идёт кабанчик...
– Грибов засолит, может, бочку...
– Мой сказ, и в том поставим точку,

Зимой посыпит на дорожки,
Вот и скользить не будут ножки. —
И каждый радостно смеётся,
Как будто в небе светит солнце!..

Невозмутимую «гнал» моську!
И соли полную авоську
Мне наложили да под мышки.
Ох, тяжело нести мальчишке...

И тёти в комнате галдели:
«Зачем так много, в самом деле?».
Пришла и охнула маманька:
«Не Славик ты, а дурень–Ванька...»

Но посмеялася со всеми.
И долго–долго к этой теме
Потом верталася округа:
«Ну, угораздило же друга!...».

Но все потом к нам шли в бараке,
Купить чтоб соль. В руках, как раки
В клешнях, несли к себе обратно...
Нам было с мамой то приятно,

И мы сияли, как детишки:
Ура! Исчезли все излишки.
Мою узнавши так сноровку,
Наказ даёт уж по диктовку.

Лишь после записи прочтенья
Купить давала повеленье.

Пираты!

Я исполнял всё быстро, честно,
Что было даже интересно,
На пруд бежал, уж на котором
В разноголосицу и хором

Азартно тешились ребята:
Была у них своя регата,
Плоты же были им, как яхты,
Не бухты всякие – барахты,

А все толкались шестами,
Как будто мощными винтами,
И хоть плелись всё зигзагом,
Но были все под майкой–флагом,

Неслись сильней, казалось, ветра,
Хотя в минуту два–три метра
И проходили грузно–тяжко...
Потом взбуйнит как ватажка!

И... превращается в пиратов,
И наступает бой вдруг адов!
Кто на кого, понять, ох, сложно,
Таранят вмиг неосторожно!

Уж бултыхнулся кто–то в воду,
Толчком «врага» вон сбитый сходу...
А кто–то прыгает нахально
Уж на чужой плот, криминально

Захват его осуществляя,
И тьма пиратская – лихая! —
Хозяев сбрасывает в море...
Одним почёт, другим же горе,

Но все артачатся здесь редко,
Закон прописан всеми метко:
Умен кто в битве, храбр, как леший,
Тот победитель, тот сильнейший!

Но всех–всех–всех в «боях» убытки:
Мокры до самой малой нитки...
А пруд подвержен уж завалке,
Дня ото дня вид жалкий, жалкий...

А потому грязны ребята,
Ох, дома ждёт, ох, ждёт «зарплата»...
Сажает каждого в корыто
И мылят, трут... Ну, всё, отмыто!

Пора опять искать работу,
Вновь привнося другим заботу.

Лето!

Ведь в нём умом всегда богаты:
Мы мастерили самокаты.
Там три доски: одна – подножка,
К ней вертикаль, отнюдь, не крошка,

Укреплена она подкосом,
И руль с подшипником – был носом,
Крепенье с «крошкой» шарнирно,
Свой вправо–влево пыл настырно

Осуществлял он за руками,
Вперёд всё разными ногами,
Кто как захочет, устремляли,
Вон грохоча и с шумом в дали!

Но чтоб подшипник на подножке
Не тормозили как–то ножки.
И каждый встречный–поперечный,
Услыша шум наш, нам, конечно,

Вон уступал в момент дорогу,
Ворча, при этом, понемногу...
А откатавшись, самокаты,
Соображением богаты,

Мы уж совали под кровати,
Не утащили чтобы тати,
Да чтоб не видели мамыши,
А то прощай богатства наши...

Вмиг безлошадным будешь в горе,
И в плаче слёз прольёшь, аж море...
Но почему–то с рук сходило,
А потому с того нам мило.

Была не хуже нам всех пенек
Игра с названьем «о пристенок»:
Ребром о стену бьёшь монетой
Рукою тою или этой,

Стараясь, чтоб отскок был дальше, —
И в этом все секреты наши.
Потом второй стучит монеткой,
Чтоб был отскок прицельный, меткий,

Попал чтоб в первую, хоть краем,
Чтоб, нетерпением сгораем,
Схватить, как выигрыш, её–то,
А это каждому охота!

А коль второй был вдруг «мазила», —
А это ведь ему не мило —
То применяет уж старанье
Произвести быстрее касанье

Ладони пальцев двух аршином —
Меж указательным, большим он —
Ну, от своей монеты, ясно.
Коль дотянулся, то прекрасно.

Потом осталось ту своею
Ударить лихо так скорее,
Чтоб стороною та другою
Перевернулась, дорогою

Добычей бившему став сразу.
И вот уж радости нет сказу!
А коли пальцы дотянуться
Не смогут, выглядит он куце:

Его монетка – цель другому,
В удаче, может быть, лихому.
И повторится так по кругу,
Пока какому–то вдруг другу

Не повезёт сполна, с лихвою,
И он монетки стороною
Не перебьёт их все обратной,
Всем скорбь внеся, ему ж приятно.

Играть в открытую опасно:
Вмиг попадёт. То это ясно.
И было наше всех стремленье,
Найти бы где уединенье,

Такие знала вся ватага,
И это было нам, как благо.

«Расшибалка»

Ещё игра была другая,
На деньги тож и тож лихая,
И называлась «расшибалка».
Играли все, кому не жалко

Вдруг потерять монеток пару,
Иль, изловчась, такого жару
Дать всем, забравши кон вчистую,
Имел что всяк мошну пустую.

Играли в тайном уголочке.
Чертили круг без проволоочки,
В него клал каждый по монетке,
Хотя в карманах были редки,

Ведь было их не так уж много
И выдавались очень строго
То на мороженое мило,
То на кино, конфеты, было

Что нам до маковки приятно.
Потом шагами аккуратно
Мы отмеряли расстоянье,
Откуда будет попаданье

В тот круг, нацелясь точно «битой»,
Что из свинца была отлитой,
И ею бить так по монетам,
Перевернуть чтоб их при этом

Другой, обратной стороною,
Что получалось порою,
А это выигрыш законный,
Хозяин ты монетки оной.
Но то удел, кто повзрослее,
Они удачливей, смелее,
А мы, что звались «мелюзгою»,
В игре сей были, как изгои,

Да на кон вкладчики монеток,
И то судьба всех малолеток.
Но мы безропотно носили,
Не пререкаясь старших силе,

Боясь тюнтёфами казаться,

Быть наподобие эрзаца.
Зато с родителями в споры
Вступать довольно были скоры.

Игра в «Ножички»

Но вот игра и пролетела,
Но не сидим мы все без дела,
Тут ножик вынет сразу кто-то,
И всем уж в «ножички» охота —

А то игры такой название —
Сыграть, явив своё старанье.
Её проста суть: чтоб воткнулся
Тот ножик в землю. Нет здесь труса,

Ведь остриём в контакте с телом,
Тут не поранься, будь умелым!
А сброс из разных положений:
С всех пальцев, плеч, лба и коленей,

С груди и с носа, и с затылка.
И вся игра проходит пылко...
Кто не сумеет сделать что-то, —
Отдай другому нож. Забота

Того уж делать всё сначала.
И мастеров в том есть немало,
Они творят без передышки
Все-все приёмы, нам же шишки

Всем достаются с их уменья
От щелбанов до покраснения,
Ведь победителя то право,
А неумелая орава

Не ропщет, лбы всё подставляя,
Ведь уговор – черта святая,
Что проводилась пред игрою,
Переступить её порою

Не так-то было сделать просто:
Чай, дорог каждому был нос-то!
А то и большее мученье:
Вмиг от игры вон отлученье.

Кому ж охота быть изгоем?
Хоть лбам и больно, но не воем.
А чтоб высокого быть толка,
К нам приходила тихомолка,

Где мастерство растили в поте,
Мол, неумешки мы? Нет, врѣте!
И получалось же ведь. Точно!
Всё наяву, а не заочно,

Не отставали мы от славных,
А бились с ними уж на равных,
И щелбанов от них, знать, шишек,
Не наблюдался уж излишек.

Краса-фантики!

Потом вниманье наше скоро
Переключалось для сбора
Цветастых фантиков, их много
Могла любая дать дорога,

Вокруг ведь стройки лихорадка,
Пожить и здесь ведь любят сладко,
Вон фантик, коль съедят конфету!
За то не шли они к ответу,

Вот и повсюду их прилично,
Все там собирались обычно.
Потом, их кипами набравши,
Пускали все в обмены наши:

Одних, которых больше было,
Мы со всего азарта, пыла
На те меняли, коих нету,
Хваля в них бывшую конфету,

Была в обвёртке что цветастой,
Себя довольной чтили кастой.
Но верь не верь, в какой-то мере
На этом страннейшем примере

Мы к красоте стремили глазки,
Была чудесной что раскраски.
А экземпляры расписные
Шли вмиг в учебники иные,

Уж быв расправлены и гладки,
И исполняли роль закладки.
Была фольга конфет в почёте.
Чтоб подержать дать, – нет! Помнёте.
Ах, шелест странный, вид блестящий —
Как мир, совсем не настоящий.
К его стремились мы познанию,
А он доступен только знанию.

А потому вопросов в школе
Мы задавали боле, боле...
И были полные ответы
Для наших душ, как сласть-приветы.

Влекло к познанию явлений,

Уж не сдержат к тому стремлений.

На звезде МГУ!

Вот пред высотным как-то зданьем,
Куда пробрались мы со знаньем
Входов и выходов в заборах,
Мы встрепенулись, будто порох,

Звезду огромную увидя
В её величественном виде.
В лесах торжественно стояла...
И потянуло нас немало

Взобратся тотчас на неё-то,
А что? Нам всё всегда охота!
И нечестивейшая сила
Вмиг на неё и затащила...

И лишь вошли мы в восхищенье,
Как слов понятных изверженье
На нас набросилось вулканом,
И со звезды нас, как арканом,
В момент стянуло. Дали дёру,
И чемпионов бег был впору,
За нами гнались будто волки!
Но вот в руках стекла осколки,

Звезда которым одевалась,
В руках всех были – то не малость! —
Всё по неведомой причине,
На похвальбу и для гордыни.

Стекло всё жёлтое то цветом,
Весьма увесистым, при этом,
Ведь толщина была прилична,
Всё-всё в нём было необычно,

И даже наше отраженье.
С простым не шло вовек в сравненье.
Смотрелись в нём мы все отрадно,
Иметь его в век не накладно.

В его показе мы – как гиды,
Ничьей не видели обиды,
Что обделили их запросы,
Вкруг нас и вились все, как осы,

Взглянуть! Взглянуть бы вожаделенно.

Стояли важно мы, надменно...
А в глубине души тревога,
Что приведёт к нам всем дорога

Кулак расплаты здоровенный,
Расплющит вон наш вид надменный,
Что на звезду взбирались кодлой:
Ах, вы, народец наглый, подлый!

Но миновали опасенья,
Таиться не было стремленья,
И жили мы, как все детишки:
Учёба, игры, в ссоре – шишки...

Купание в Москве-реке...

Пешком на Ленинские горы,
Хоть под родителей укоры,
Летели стайкой устремлённой,
В купанье досыта влюблённой,

К Москве-реке, красе столицы,
Все повернув сначала лица
С вершины гор к ней, дорогуше,
Чей вид пленял все наши души, —

Так распростёрлася широко,
Что не охватит взором око,
Стоит могуча и привольно,
И восхищение невольно

Улыбкой светится на лицах,
Взывая ею ввек гордиться.
Потом спускались вниз мы с кручи,
И спуски были все могучи:

Почти катились вниз колбаской,
В деревья врезаться с опаской...
Но вот река и теплоходы,
И долгожданнейшие воды!

И на себе одни трусишки
Оставив лишь, бегут мальчишки
Быстрее бы плюхнуться в водицу,
Власть от жары чтоб охладиться!

И долго плещутся с улыбкой,
И вглубь ныряют юркой рыбкой,
И, фейерверк как, всюду брызги,
Смех, крики, всплески, счастья визги!
И так до губ синюшных цветом
И дрожи с холода, при этом...
Потом, усталые, к подножью
Гор вылезаем с мелкой дрожью,

И там уж греем, греем тело,
Чтоб снова в воду захотело,
И накупавшись всё же вволю,
Мы ходочков имеем долю,

Идём, взбодрённые, к баракам...

Ах, нам купанье мёд, да с маком!
Идти – клянёмся! – завтра снова,
Но жизнь вдруг мнения иного,

Её указ и строг, и веский:
Тех надо в лагерь пионерский
Отправить, ведь уж пересменка,
Других – где молоко и пенка,

То есть в деревню, где раздолье,
Река и лес, и сладсть–застолье.
И остаются единицы,
Чтоб вмиг умчаться, будто птицы

На юг осеннею порою.
Жду очерёдности, не скрою,
И я, чтоб в лагерь пионерский
Быть с песней звонкою в поездке.

Там отдых чудный и занятя,
И все друг к другу, будто братья,
Кружки различные, походы,
И все весёлой мы породы,

И Дню родительскому рады,
Подарки ждём мы, как награды,
И ждём с родителями встречи,
Объятья, чмоканья и речи...

Ну и приехавший в волненье:
А есть ли веса прибавленье,
Да хорошо ли кормят, вкусно?
Не замерзаем ли, не грустно?

И не тиранит ли нахальный?
Но вид ядрёный, не печальный
Даёт довольный путь обратный:
Нет, жизни мир здесь на превратный.

До трёх я смен подряд, бывало,
Бывал всё в лагере. Немало!
Ах, как там было мне приятно!
И находился в нём бесплатно.

Путёвки с маминой работы
Ей выделялись, нет заботы.
А коли не было трёхсменки,
Одна лишь, две, то в дрожь коленки

Мои, отнюдь, нет, не впадали,
Была ведь близь здесь, были дали,
И нам с остатком ребятишек
Они давали буйств излишек,

До юрт дошли однажды даже,
У МГУ что, как на страже,
Стояли кучкою отдельной,
Своею вотчиной удельной;

С Ленгор смотреть, то было справа,
И в них строителей орава
Жила, в бараках наших будто.
И вспомнил я, их вспомнил тут–то:

В них нас вселить сперва хотели,
Да, видно, в них дитя не в деле,
Семейным группам в них не место,
Вот и барак потом, их вместо.

И их забыл существованье:
Иное было проживанье.
А на Москву–реку купаться
Я и один ходил, не цаца.

Нетерпелив я был от жажды
Вдруг переплыть её однажды,
Мало казалось расстоянье,
Вот и оно–то, взвив желанье,

На переплытие толкнуло.
Но строго плыть, с умом, не снуло,
Река ведь водная дорога,
На ней препятствий тоже много,

Ну, тех же разных теплоходов,
От столкновенья нету бродов,
Так стукнут, резанут винтами,
Ввек не помогут кличи к маме,

И глубь затянет вон мгновенно,
А транспорт вдаль помчится пенно...
А плавал я, как бы улитка
Бежать стремится, знать, не прытко,

Да, так сказать, лишь «по–морскому».
А тут плыть к берегу другому!
Вперёд двух рук в воде стремленье,
Назад гребок – за ним бурленье,

Синхронно двигаются ноги...
Конечно, скорость не пироги,
Зато легко и прочь, усталость!
Ах, плыть как много, ох, осталось...

Но подгоняло опасенье,
Что будет, мол, да столкновение
Меня да с транспортом вдруг водным,
Порыв и станет вмиг негодным.

Вон открутил порядком шею,
Чтоб видеть всё... Но эпопею
Закончил с честью переплытья,
Создам обратную ли прыть я?

Тот берег кажется далёким,
И путь грядёт к нему не лёгким...
А этот ровный берег, низкий,
И на него взобраться риски

Нет, не затронут малолеток,
Без спора даже и конфеток.
Здесь деревянные домишки,
Как на столе в кону картишки,

Вразброс стояли все уныло,
Видать, им жить уж в тягость было...
Невдалеке от них в отлучке
Деревьев редких были кучки.

Была деревня то, как все-то,
Ну, а в названии примета,
Лужков отеночек имела,
А потому звалась смело

Как «Лужники», была как местность.
Не широка была известность...
Был монастырь за ней чудесный,
Он «Новодевичий», прелестный.

Вот он-то был известен многим
Своим небесным взглядом строгим.
И мы в нём с мамою бывали,
И чтоб изгнать из душ печали,

Мы зажигали слёзно свечи,
С того и было нам чуть легче,
Отца и мужа поминали,

Ушёл в военные что дали,

Но не вернулся так донине,
То «Извещения» унынье...
Война безжалостна, и в строгих
Руках сгубила очень многих...

...Так «Лужники»... Вокруг равнина,
К ней вглубь идёт... чуть не трясина...
На берегу и хлам, и брёвна,
Ну захолюстья видик, ровно.

И не узнать то место оно.
Там ныне комплекс стадиона
Подмял и снёс её вчистую,
И грациозную, иную,

Явил собою уж окрестность,
Гремит его везде известность!
Но в честь деревни поминанья
Взял «Лужники» себе названье

(«Центральным» был он стадионом
Сперва, при имени законном).
Ну, отдохнул на берегу я,
Но плыть в стороночку другую,

И я вошёл обратно в воду
И дал, казалось, быстро ходу,
На самом правильном же деле,
Плыл не ахти как, точно – еле...

Но переплыл благополучно,
Вдали гудки звучали звучно...
Пришлось использовать «сажёнки»,
Когда устраивали гонки

Поочередно быстро руки:
Вперёд был взмах! Назад – без скуки
Гребки свершали друг за дружкой,
И плыл быстрее, не лягушкой.

Бурун от ног шумел за мною...
Но плыл недолго я стрелою:
На это требовались силы,
И стиль, конечно, был не милый.

И вновь я плюхал «по-морскому»,
Не наводил он мне оскому.

И он меня причалил всё же.
Я выполз на берег, весь в дрожи...

Усталость то и опасенье,
Что будет вдруг да привлечение
За нарушение к ответу,
Ведь я, смотрю, желанья нету

Плыть к «Лужникам» ни одного-то,
А потому бежать охота
Домой, домой, да без оглядки,
А то дела грядут не гладки,

Что я и сделал без замешки.
То мне сейчас о том усмешки,
А их-то не было в то время,
Ведь опасенья нёс беремья...

Мои на Ленинские горы
Заочно лишь стремились взоры,
Чтоб замести следы проступка,
На время хоть, ума так ступка

Толкла надежду на спасенье,
И в этом было утешенье.
И карантин – Ура! – закончен,
И бег к реке вновь быстрый очень!

И я ныряю прямо с ходу
На зависть многomu народу!
Но вдруг врезаюся во что-то,
В кровь расцарапан... Это «что-то»,

Как оказалось, были санки,
Они на донной на стоянке
И дождались меня злорадно,
Будь им в деянии неладно!

Зимой с горы, зная, упустили,
Догнать же не были в всей силе,
Вот и нырнули те на дно-то...
А лезть зимой кому охота?!

Вот я и жертва их, избранник,
И гонит кровь из ран всех краник...
Весь расцарапан перед тела —
Вот так беспечность захотела,

Как говорят среди народа,

Не суйся там, где нету брода!
Ну санки вынес из воды я,
Они совсем не молодые.

Вновь поликлиникой был встречен,
Её приём был вновь сердечен,
Все раны лечены вмиг чем-то,
Вдогон укол опять зачем-то,

И заросло всё, как на кошке,
И вновь бродили всюду ножки...
Но тяга вновь меня не снуло
Всё на купание тянула...

Ах, как же буйствует в нас бес-то!
Вновь на реке. Но то я место
Вон обошёл, пошёл подале,
Где дачи, видимо, стояли —

Такой слушок гудел в народе:
«По виду – дачи. Дачи, вроде...».
Ну, спорить, ясно, не охота.
Реки там место поворота.

Была, возможно, и охрана
Того таинственного стана.
Но я беспечного был теста,
Здесь и нашёл купанья место.

Забыв о санках, канул в воду,
И руки вдруг схватили сходу
На дне предмет себе железный.
«Поднять, поднять! Вдруг он полезный?».

И вынес на берег. А это...
Был ствол нержавый пистолета!
Весом он был и воронёный.
Вдруг им поступок незаконный

Да совершил преступник тайный,
Его суд ищет чрезвычайный?
Ещё подумают, что я то...
Душа вмиг страхом вся объята,

И я швыряю ствол обратно!
И стало сразу так приятно...
И на меня уж нет улики,
Ах, ум мой умненький, великий!

И мчал я вдаль, боясь погони, —
Так от волков несутся кони!
Я, будто шар, взлетел от низа,
И не бежать вдаль нет каприза.

А место то, от вас не скрою,
Век обходил уж стороною...

Наглая ворона

А на горах тех, на макушке,
Стояло здание церквушки —
Такой казалась сразу с виду,
Но не впадала, нет, в обиду:

Внутри казалась огромной,
Её вместительность – не скромной.
К ней мы по праздникам церковным
Шли с мамой шагом твёрдым, ровным,

Она ведь веровала в Бога,
Всё исполняла точно, строго,
За нас, живых, молилась, грешных,
И не жильцов уж в мире здешних.

«Вот так, сынок, молиться надо,
Тебе небесная награда
И будет Боженьки тогда-то», —
Звучал мне голос сладковато,

Ну, и являла мне знаменьё...
Моё же было в том стремленьё,
Чтоб охватить вокруг всё взглядом,
Ну, там и там, вдали и рядом...

Здесь было всё так необычно,
И на верху я даже лично
Иконы видел расписные,
На коих боги неземные...

И образа вокруг по стенам,
Всё в блеске злата несравненном,
Глядели боги с них сурово...
Уж попадёт, за будь здорово,
Коль вдруг нарушишь предписание,
Вмиг в ад последует изгнание,
А там уж черти вилы, плётку
Готовят, жарить – сковородку,

Ведь в изуверстве чёрт не цаца,
На ней от жара извиваться
Начнёшь, как уж, ведь больно, больно...
Не крикнешь в плаче, мол, довольно!

Не мыслит он по-русски слова,

А лишь подбросит дров вмиг снова,
Чтоб пламя сроду не погасло,
Да окунёт поглубже в масло...

Вот тут со страха поневоле
И уж грешить не будешь боле.
А согресишь вдруг по незнанью,
Не быть вовеки наказанью,

Просив прощения усердно
У Бога, тот и милосердно
Простит, легонько пожуривши,
С своей святой небесной ниши.

И вновь ты чист, как после бани,
В своём хозяином будь стане.
И так всю жизнь: «Я каюсь, грешен...».
И вмиг прощением утешен.

И были в церкви песнопенья,
В душе рождая умиление...
Мерцали свечи – свет им задан,
И аромат струил свой ладан...

И всё торжественно, по-царски,
В волшебной будто, чудной сказке.
Да умилял звон колокольный
Крещёный мир и свет весь вольный...

Но случай помнится поныне,
Сотрясся вдруг что у святыни,
При коей есть захороненья.
И прихожан к ним есть стремленье,

И в этом дело их святое,
Чтоб освящённое съестное
К ним возложить, пусть разговятся,
Ведь все-то сестры «там» и братцы,

И будет в том их поминанье.
И вот старушечка старанье
Своё стремится шажком к ним хилым,
Чтоб было «там» приятно милым,

Неся продукты в узелочке...
Да вдруг стремглав, без проволоочки,
В пике несётся к ней ворона!
Та с страха – плюх! – на место оно,

И узелочек обронила...
Вороне то и надо было:
Вмиг из него схватила смело,
Что надо, прочь и полетела,

На сук уселась важно, чинно:
Вот–де, какая молодчина!
Клевала нагло, с расстановкой,
От всей души резвясь обновкой...

Привстала всё ж кой–как старушка
И в храм помчалась, будто мушка,
Крестясь неистово по ходу...
Там пошептала всё народу,

Забывши взять свой узелочек.
Народ же ей без проволочек
«Молись! – сказал, – то бес попутал...
Откуда взялся только тут?»

Небось, ты в чём-то согрешила, —
И зашипели все немило, —
Молись! Молись! Гони чертину!».
Такую вот я зрел картину.

Мне б посмеяться до упаду!
А вдруг ворона – тёща аду?
Враз клюнет в глаз – пропало зреньё...
Я трус. Домой – моё стремленье!

В Раменки!

А там, хоть было мне и горе,
Но предстояло с мамой вскоре
Нам жить на новом где-то месте.
И вот с такими, мы как, вместе

На грузовых и отвезли нас.
Из рая будто был мой вынос.
Но там отдельно комнатёнка
Была представлена нам. Звонко

Я в ней кричал, кричало эхо,
Крик повторя и радость смеха!..
Пока она была пустая,
А стала мне теперь родная.

«Трумэн»

У общежития мальчонок
Нас встретил хиленьких силёнок.
Был он неряшлив и грязнющий,
Уже пред нами здесь живущий.
Он был в коротеньких штанишках,
Весь в синяках, порезах, шишках,
Волос не знала ввек расчёска,
Из носа свесилися броско,

Дрожа, две липкие тесёмки...
И грязь комком в ушах котомке.
С плеча штанов спустилась лямка...
В носке дыра зияла–хамка...

Сандалий вырваны застёжки,
Все в цыпках руки напрочь, ножки...
Ютилась грязь всё под ногтями...
Аль невдомёк его то маме?

Он созерцал прибытьё наше.
Открытый рот просил, знать, каши...
Когда он шмыгал носом звонко,
То за одной в него тесёмка

Другая тут же и спешила!
Потом свисали обе мило...
Работа частая насоса
Вновь, вновь была мальчонка носа,

Вон шум вокруг улиц заглушая...
Ай да экзотика большая!
«Эй, Трумэн, кыш быстрее в сторонку!
Приезжим ты прожёт печёнку

Своей помехой на пороге,
А то отдавят напрочь ноги... —
Вскричали тётеньки серьёзно, —
Ты на пути торчишь занозно».

Мы ошарашены: ну имя!..
Чуть–чуть от слова, вроде, «дрыня»
С прихватом следующего – «труня»,
С приклейкой значимого «тюня».

Но кто дал имя так безбожно?

Звучит отвратно и сапожно...
Сандалий ширканье начавши,
Покинул взоры всё же наши,

На кухню общую направлясь,
Где родилась надежды завязь,
Перепадёт что угощенье, —
В том повседневное стремленье!

«На, Трумэн, миленький дружочек,
Тебе с капусткой пирожочек!» —
Ему уж слышим предложенье
(Знать, состраданье, уваженье!).

Но тут является маманя...
И сына сразу заарканя,
Вон увела, толкая в шею,
Прервав цыганства эпопею...

«Не смей ходить на кухню, Колька!
Я говорила это сколько?».
А... «Трумэн» это кличка!
Ведь был всегда он невеличка

В своей опрятности незримой,
Век наяву и нелюбимой...
Но «Трумэн» – кличка при мамане
Век не звучала, жди ведь бани!

Она сварливая тут баба,
Вмиг заскрипит, сама как жаба,
Взъярится, станет враз не кроткой,
А то и стукнет сковородкой!

Но бабы вкруг все сердобольны:
Ему то то дадут, довольны,
То нос протрут какой-то тряпкой...
Но от мамани всё украдкой.

Она ведь злобу затаила
На всех и вся, ведь ей немило:
Мужик её ведь бросил с Колькой,
А «разведёнкой» жить нисколько

Она не хочет, не охота!
Вот о себе и вся забота,
А сын обуза, как припёка.
За ним и нет пригляда ока...

Но хоть с иронией все звали
Его, добра же были крали,
Кормили, холили украдкой,
Вдруг ластя сладкою помадкой...

С такой вот встретились персоной
И предстоит жить долго с оной...
Хоть вид его рождал ухмылку,
Но все жалели эту былку...

Каких не встретишь в жизни судеб!
И с ними шествуют всё люди...

У места «Раменки» название,
И общежития – все зданья.
И было Раменок четыре,
Мы в третьем с мамой были мире.

На все один был Дом культуры
И социальные структуры,
А мне – в Москве уж третья! – школа,
Учёбы новое уж соло.

От МГУ то недалече,
Дойти, бывало, пуха легче.
Вокруг поля, среди них овраги —
Здесь мы, набравшись отваги,

Все их облазали, все зоны,
Как будто в том мы Робинзоны.
И потому мои здесь годы,
Речушки Раменки как воды,

Начнут своё уже течение,
И здесь закончу я ученье.
И все-то Раменок посёлки —
Долой иные сразу толки! —

Их всевозможнейшие зданья,
Служили тем для проживания,
Кто МГУ стремил под тучи,
Студентам чтоб училось лучше.

Когда же, сердцу дорогую,
Закончат стройку, то другую
Найдут работу, это ясно.
Нет безработных – то прекрасно!

А там, где жили мы дотолё,
Бараков нету вовсе боле,
Снесли для новых сразу зданий
Под МГУ для нужных знаний.

Как будто пыль смели метлою.
И все–то с новою судьбою
Живут теперь на новом месте,
Опять, как прежде, дружно, вместе.

Да и семейными уж стали,
Ведь жизнь идёт, шагает в дали...
Меня, что сразу удивило,
Так это то, что в школе мило

Учились вместе мирно, дружно
Мальчишки, девочки натужно...
Куда ж мальчишкам тут деваться?
Потерпим, милые же братцы!

А чуть что – дёрнем за косички:
Знай наших, милые сестрички!
Исподтишка, конечно, дёрнем,
Невинно взглянем оком орлим,

А то: «нечаянно, простите...»,
Отскочим в сторону с всей прыти:
Портфелем стукнут, ненароком,
Они ведь в буйстве все высоким!

Дивная девочка...

И я осмелился, и тоже
Однажды дёрнул. И о Боже!
Меня дубасить и не стала,
А обернулась зорькой ало

И с удивленьем, не с укором,
Предолгим–долгим, а не скорым
Глядела чистым взором ясным
В глаза мне прямо... Не опасным

Её был вид. Глаза большие,
Ну, как волшебные какие...
Была она меня пониже.
Я разглядел её поближе:

Была в ней гордая осанка.
Нет, не возникла перебранка,
А лишь её курносый носик
Задать мне тщился всё вопросик:

«Ответь, ты дёрнул почему же?
И не молчи, тебе же хуже!».
«Отстань, курносый! погоди ты!
Я, как гвоздём, к глазам прибитый

Её, что нет волшебней боле,
И оторваться нету воли...».
Но страха вдруг во мне лавины:
А, может, тайн моих глубины

И мысли, душу видят ясно?
Нет, нет, глядеть мне в них опасно!
Они узнают, что скрываю...
И опускаю к ног я краю

Глаза поспешно и в сторонку
Вон отхожу, боясь девчонку...
Другим в глаза смотрел я смело,
И ни одна ввек не умела

В меня вогнать оцепеняя,
Она как, – властно, до стеснения...
И я, склонившись над тетрадкой,
Тайком от всех смотрел украдкой,

Она за партой как сидела...
То тайна жизни многой дело.
Не знал я, что это такое,
Душа была же не в покое...

Но было ею восхищенье
И видеть, слышать всё – стремленье!
«Хорошая девочка Лида...» —
То песнь не теряла из вида

Её, очарована ею...
И я возражать ей не смею
До самой уж, видимо, смерти,
Поймите меня и поверьте.

Ложная хитрость

Учился я всё–таки средне,
Предметы какие–то – бредни,
Не мчится душа к их познанию.
Платили такую же данью,

Влепляя с натяжкой оценки,
Печальные ставя мне сценки...
В другие втянулся бы, вроде,
Был с их содержанием по моде,

Но вот математику, точно,
Усваивал хило, не прочно.
Но если я брался за что–то,
Не жаждал тогда отворота

От лучшей оценки за знания,
И коль получал, то старанья
Не сбрасывал в этом предмете,
Пред честью ведь был уж в ответе,

И это меня окрыляло,
И был я доволен немало,
Что я там какой–то тупица?
Могу же, хочу коль, учиться!

И вот по «Истории» случай
Тому подтверждением лучшим.
Скакал я на «тройках» всё с нею:
Не выучил – снова краснею

Под строгим учительским взглядом,
Укор её – мне не парадом,
А вновь и опять посрамленье:
Когда же начнёшь, мол, ученье?
И вот на одном раз уроке,
Не видя познаний истоки
В какой–то неведомой теме,
Я вмиг, не замеченный всеми,

Стал быстро подглядывать в книгу,
Поддавшись бесчестному игу,
Читал там ответ на вопросы
И делал рукой вверх забросы:

Мол, можно на то я отвечу?

И классная шла мне навстречу,
Ответ оценивая похвально.
А я продолжал всё нахально

Подглядывать в книге ответы
И, действием этим согретый,
Взметал, чуть не выше всех, руку,
Не чувствуя совести муку,

Что так поступаю бесчестно,
Азарт лишь. А в нём мне прелестно,
Что так обману снова ловко,
Умна, знать, бывает головка!

«А Славе я ставлю *четвёрку*,
Разгрыз он вопросов всех корку.
Пример с него, дети, берите».
Конечно, я рад! Но вот прыти

В душе моей что-то не стало,
И я заалел ало-ало...
Серьёзно она поглядела:
«Ну вот ты и взялся за дело.

Когда ты готовишь уроки,
С ответами нет замороки.
Учиться нельзя вполонину,
Упустишь всю знаний лавину,

Они ведь по жизни подмога,
Стремись, чтобы было их много».
«А может, мне ставить не надо?» —
Слетела вдруг напрочь бравада,

С нечестности ставшая трансом.
«Ну ставлю тебе я авансом.
Теперь ведь ответы уроков
Пойдут уж без всяких пороков?».

И вновь я зардел помидором,
Убитый её разговором...
Поверил я в доброе сердце.
Чтоб сластью ответы, не перцем,

Ей были мои у доски-то,
Дверь будет незнанью закрыта,
И я оправдаю доверье!
И ниже «четвёрки» теперь я,

Когда у доски был, не ведал,
И это стараний победа.
«И с этим тебя поздравляю!
Не будь от учения с краю.

Вот видишь, уроки когда ты
Готовишь, видны результаты,
Ответы звучат только твёрдо,
Оценки все выглядят гордо,

И всем–то, ну, всем–то прелестно!
Позор – добывать их бесчестно,
Ведь смолоду честь бережётся,
Враг ярый морали уродца,

Пусть ценится в людях она лишь,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.